

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ОДИН ШАНС
ЕСТЬ

Сергей Васильевич Самаров

Один шанс есть

Серия «Спецназ ГРУ»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174330
Сергей Самаров. Один шанс есть: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-20585-1*

Аннотация

Подполковник спецназа ГРУ Виктор Евсеев никогда не говорит – «шансов нет». Когда он узнал, что его бывшего сослуживца чеченские боевики захватили в плен и требуют за него немислимую сумму, он сказал себе – «один шанс есть». И решил достать деньги, причем у самих чеченцев. Такая возможность вскоре представилась. Два чеченских бизнесмена наняли Евсеева, чтобы он добыл ценную информацию, касающуюся нефтяного месторождения. Подполковник уверен, что, после того как информация окажется у чеченцев, он будет убит. И значит, ему надо сыграть на опережение...

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть I	26
Глава 1	26
1	26
2	33
3	43
Глава 2	50
1	50
2	58
3	66
Глава 3	73
1	73
2	82
3	90
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Самаров

Один шанс есть

ПРОЛОГ

Полковник Романков, командир отдельной бригады спецназа ГРУ, дислоцированной в большом и промышленно развитом районном центре, только-только въехал во двор и проехал мимо своего подъезда, чтобы поставить машину в металлический гараж, расположенный в целом ряду точно таких же гаражей, отделяющих двор от обширного пустыря, расположенного здесь же, сразу за общеобразовательной школой, когда в чехле на поясе подал голос мобильник. Романков, в соответствии со своей привычкой быть во всем вдумчивым и основательным, не поторопился ответить, а сначала вырулил, чтобы остановиться перед воротами гаража, и только после этого достал трубку. Номер вызывающего оказался незнакомым. На вызовы незнакомых номеров полковник отвечать не любил. Родители многих солдат непонятно каким образом находят номер мобильного полковника и частенько «достают» его, не понимая, что командиру бригады и не положено по должности знать всех солдат. У него и других забот хватает.

Тем не менее ответил:

– Слушаю, полковник Романков...

– Здравствуйте, Юрий Сергеевич. Генерал Лобанов беспокоит.

Генерал Лобанов, начальник областного управления внутренних дел, не входил в число друзей полковника, хотя они и были знакомы, и непонятно даже то, как у генерала оказался номер Романкова. Более того, областное управление располагалось, как ему и положено, в областном центре, и ехать туда – сотня километров в один конец.

Звонок казался непонятным и, как полковнику подумалось, хороших вестей не нес.

– Слушаю вас, товарищ генерал.

– Вы сейчас говорить можете? Не за рулем?

Ментовский вопрос. Менты не любят, когда кто-то за рулем разговаривает.

– Да, я слушаю. Я как раз у гаража остановился.

– Дело у меня к вам необычное... Хотел бы я по просьбе нашего начальника уголовного розыска попросить у вас напрокат того лейтенанта, с которым мы уже однажды встречались при чрезвычайных, если помните, обстоятельствах... Понимаете, о ком я говорю?

Романков выдержал долгую паузу.

– О ком говорите, понимаю. Лейтенант Велесов, надо полагать.

– Он самый... Он самый...

– Но я не совсем понимаю, товарищ генерал, что такое

«напрокат».

Генерал, кажется, ожидал именно такого непонимания и подготовился к ответу.

– Грубо говоря, не можете ли вы откомандировать к нам на некоторое время молодого человека, поскольку мы все-таки нуждаемся в его помощи? У нас такого в наличии, к сожалению, нет. А нам срочно необходим посторонний человек, которого не знают в определенных кругах. Внешне похожий на Велесова. Очень серьезное дело. Можно сказать, почти государственной важности.

Словосочетания «почти государственной важности» полковник, привыкший к точности военных формулировок, тоже не смог понять. Если государственной важности, то – государственной, если не государственной – нет, и третьего не дано. Это «почти» то же самое, что «чуть-чуть беременная». Но поправлять генерала, пусть и чужого ведомства, полковник не стал.

– Признаться, товарищ генерал, вы поставили меня своей просьбой в тупик. Этот лейтенант – командир взвода. Откомандировать его в ваше распоряжение... Я даже не знаю, честно говоря, имею ли я на это право. Во-первых, необходимо и его личное согласие, поскольку подобная командировка передает его в иное ведомство, к исполнению, как я понимаю, несвойственных ему лично функций. Во-вторых, я не могу распоряжаться судьбой офицера, не поставив в известность свое командование и не получив на то официаль-

ного приказа. Это же не в клуб на выступление отправить. У вас тоже работа связана с риском. А случись что? Что я должен буду говорить, как оправдываться?..

– Я понял вас, Юрий Сергеевич. И предвидел это. Мой звонок, так сказать, предварительный. Долг вежливости. Не хотелось через вашу голову обращаться к вашему командованию. Хотя я планировал с вашим командованием связаться как раз по причине важности дела. Но, разумеется, чтобы вы были в курсе и не возражали. Это в первооснове...

– Теперь я в курсе, – более чем холодно ответил полковник. – Но в первооснове должно быть согласие самого лейтенанта...

– Может быть, вы поговорите с ним? Нам же с вами дружить не просто положено – нам выгодно дружить.

Включился, как полковник понял, «доильный аппарат»... Прозвучал откровенный намек на то, что, если полковник с генералом не договорятся, их дружба может не состояться. А иногда приходится и обращаться к местным ментам, чтобы замять какое-то дело, где бывают замешаны военнослужащие бригады. Недавно только был случай, когда на базаре офицер избил четверых обнаглевших торговцев с Кавказа. Тогда пришлось обращаться, и понимание, после того как были пройдены естественные «купленные» инстанции на нижнем уровне, было найдено. Должно быть, генерал намекал именно на это.

– Добро, товарищ генерал. Я не берусь гарантировать

реакцию лейтенанта Велесова, но я попрошу его от лица командования. Думаю, мы сможем договориться, но при обязательном условии – чтобы инициатива шла от моего начальства. Со своей стороны отсутствие препон гарантирую. И даже готов оказать содействие. Чтобы дружба состоялась...

– Вот и хорошо, Юрий Сергеевич. Я вам позвоню на днях. Может быть, уже завтра...

– Хорошо... Номер вы знаете.

* * *

Полковник поставил машину в гараж, тряпкой вытер матерное слово, нацарапанное на одной из створок ворот кирпичом – недоучившиеся дети таким образом в который раз грамотность проявляют, – ворота закрыл на привычные два замка – внутренний и висячий – и пошел домой. Полковник временно жил один – жена в гости к своим престарелым родителям поехала, чтобы о них, сильно болеющих, хотя бы временную заботу проявить, и на два месяца уже застряла. Сыновья учились в разных городах, в разного профиля училищах, и никто, кроме удивительно лохматого и коротколапого и оттого похожего на гусеницу кота Князя Мышкина, встретить полковника не вышел. Но кот этот был в бригаде спецназа знаменитостью, потому что не однажды даже прыгал вместе со своим хозяином с парашютом, и его фотографии в качестве талисмана вывешивали в каждой казарме.

Не проходя в квартиру, потому что телефонные аппараты – и городской, и внутренний, и даже аппарат прямой связи с ГРУ – стояли в прихожей, полковник только погладил Князя Мышкина, запрыгнувшего на тумбочку, и сразу позвонил по прямому телефону дежурному по бригаде.

– Меня тут недавно разыскивали...

– Так точно, товарищ полковник, – ответил дежурный капитан, отчего-то кашляя, словно поперхнулся словами. – Звонил генерал Лобанов.

– Это ты дал ему номер мобильника?

– Так точно, товарищ полковник. Я подумал...

– Прокашляйся. Потом найди мне лейтенанта Велесова.

Пусть домой ко мне приезжает. Если адрес не знает, подскажи. Можешь дежурную машину за ним послать. Да, пошли, так быстрее, пожалуй, будет. Как его зовут? Не помнишь?

– Кого, товарищ полковник. Велесова?

– Велесова, не машину же.

– Саня... Александр то есть.

– А отчество у него есть?

– Наверное, есть. Я узнаю, товарищ полковник, и доложу.

* * *

Лейтенант Велесов появился на квартире у командира бригады через полчаса, уже после того как дежурный капитан позвонил и сообщил, что Велесова зовут Александр

Александрович. Полковник даже удивился такому сообщению, потому что сочетание имени и отчества часто используется сослуживцами при общении между собой. А тут не знает капитан, что Велесова зовут Сан Саныч. Должно быть, из-за юной внешности лейтенанта никто никогда не спрашивал у него отчества. Он гораздо моложе своих лет смотрится.

Полковник сам открыл дверь.

– Заходи, лейтенант Сан Саныч. Заходи...

Форма обращения уже говорила, что у полковника сегодня неплохое настроение, и позвали лейтенанта не для того, чтобы дать разгон за какую-то неизвестную пока провинность. Но в армии провинности всегда и у всех найдутся, и начальству искать их с собаками не надо.

Сан Саныч, не знающий, чего ожидать от неурочного вызова, от такого простецкого обращения даже покраснел, что и попытался сразу скрыть, наклонившись, чтобы погладить приветливого и общительного Князя Мышкина.

Лейтенант Велесов фигурой и внешностью никого поразить не мог. Роста среднего, если не сказать – ниже. И в плечах не слишком широк. Правда, худощавый, жилистый, жесткий, что говорит о хорошей спортивной форме. Но лицо имел румяное, как и положено лейтенанту, и даже более наивное, чем может себе позволить современный офицер спецназа ГРУ. Полковник давно заметил, что почему-то в последнее время стало модным считать, будто офицер спецназа ГРУ обязан иметь суровое волевое лицо. И парни из учили-

ща приходили в бригаду все как на подбор именно с такими, словно штампованными, рублеными лицами и малоподвижными взглядами. Велесов – приятное исключение. Он больше на роль разведчика пригоден, даже разведчика армейского, которого тоже не всегда должны при первой встрече по лицу вычислять.

От лейтенанта пахло не обычным одеколоном, свойственным армии, а какой-то хорошей туалетной водой, и это понравилось полковнику.

– Проходи, проходи, не стесняйся...

Лейтенант разулся и прошел в большую комнату, где полковник показал на кресло – там присесть можно. Сам он садиться не стал и прохаживался перед столом, легко шлепая тапочками по цветному рельефному линолеуму.

– Ты генерала Лобанова знаешь? – спросил, начиная беседу.

– Никак нет, товарищ полковник.

– Начальник областного УВД.

– А-а... Помню. Это он мне часы вручал. Помню, товарищ полковник. Я просто фамилию не знал. Какое-то продолжение того инцидента? – поторопился Велесов выяснить причину непонятого вопроса.

– Не знаю... Короче, позвонил мне недавно этот генерал Лобанов и попросил на время откомандировать тебя к ним. В уголовный розыск.

Велесов даже улыбнулся.

– Я же не сыщик, товарищ генерал... Там иные навыки нужны.

– Сыщиков у них хватает... А вот тебя, именно тебя, у них нет. И такого, как ты, тоже нет.

– Что у них, товарищ полковник, никто драться не умеет?

– Я не знаю, в чем суть. У них там свои секреты, и мне их не открывают. Но просят именно тебя. По какой причине такой персональный заказ, предположить не могу. Помочь хочется, чтобы и они нам иногда помогали, но и приказать тебе права не имею. Вообще права не имею отпустить, если сверху не прикажут. Но если прикажут сверху, я смогу тебе предложить... Понял?

– Понял, товарищ полковник.

– Чем-то ты им сильно понравился... Но решать будешь сам. С женой посоветуйся... Наверняка дело опасное. Иначе могли бы без нас и конкретно без тебя обойтись. Вот, в принципе, все, что я тебе сказать хотел... Водочки не желаешь?

– Никак нет, товарищ полковник. Я за рулем не потребляю.

– На своей машине приехал?

– На своей.

– Я же приказал послать дежурную.

– Я больше сам рулить люблю. В любой ситуации.

– Одобрю... Кофе?

– Если не трудно...

Полковник, как гостеприимный хозяин, пошел на кухню...

Этот случай, про который вспоминали генерал Лобанов и полковник Романков, для самого лейтенанта Велесова тоже не остался проходным моментом в биографии. Он в конце весны – четыре с половиной месяца назад – только что вернулся из первой своей командировки в Чечню, то есть вообще из первой боевой командировки. И жил еще острыми ощущениями той особой боевой действительности, в которой приходилось там работать большей частью только офицерам спецназа ГРУ, поскольку ни одно другое подразделение армии или внутренних войск, включая спецназ внутренних войск, сравниться в качестве подготовки со спецназом ГРУ не могло и никому другому не поручались задачи настолько сложные.

Получил документы на отпуск. Собрались поехать с женой отдыхать. Естественно, на машине, потому что лейтенант Велесов за рулем, как сам говорил, чувствовал себя лучше, чем где бы то ни было. Но «боевые» выплаты, как обычно, задерживали. Однако кое-какие сбережения в долларах у лейтенанта все же были. И уже в областном центре они с женой хотели обменять доллары на рубли. Заехали в Сбербанк, выбрав заведение на окраине города, где народу, естественно, должно было быть меньше. Жена ушла, а Сан Саныч остался дожидаться ее в машине, поставленной через

дорогу и чуть в стороне – там, где припарковаться можно было свободно.

На долгий путь припасли с собой продукты, чтобы не питаться в придорожных забегаловках, называемых кафе, в которых кормят, как оба знали по опыту, изысканной отравой. А тут рядом с машиной собака остановилась. Обыкновенная уличная, облезлая, с выпуклыми от голода ребрами, тощими высосанными щенками сосками и разнесчастными лунными глазами. Эти глаза и отвлекли лейтенанта Велесова. Он вытащил из дорожной сумки кусок колбасы, отрезал сначала небольшой кусочек и бросил собаке. Та проглотила, не жуя, не почувствовав вкуса. Видимо, давно бедной животине ничего не перепало. И опять смотрела теми же разнесчастными глазами на лейтенанта, вселившего в нее своим поступком надежду на возможное спасение. Он бросил кусочек побольше, потом другой и третий. И таким образом скормил собаке всю колбасу. Собака и отвлекла внимание лейтенанта настолько, что он не обратил внимания на машину, остановившуюся около входа в Сбербанк, и на людей, торопливо вошедших в тяжелые металлические двери. Но выстрелы лейтенант легко отличал от любых других резких звуков и даже от стрельбы выхлопных труб проезжающих мимо автомобилей, которые невоенный человек вполне может принять за выстрелы. Стреляли явно в помещении. И лейтенант, даже имея небогатый боевой опыт, сразу понял, где стреляют... Там, в Сбербанке, за закрывшимися уже дверями нахо-

дилась в это время его жена. Мысль, конечно, была одна – спасти ее. Но лейтенант не был настолько безрассуден, чтобы сразу броситься ей на помощь, понимая, к чему может привести лобовая попытка. Он был без оружия. И догадался без труда, что сейчас, начав колотить в дверь, он ничего не добьется. Но в голове сразу проскользнуло несколько вариантов. Наиболее приемлемым показался тот, при котором грабители покидают банк, садятся в машину, и в это время он таранит их своим автомобилем. Лейтенант даже сцепление отжал, чтобы повернуть ключ зажигания, но в это время с включенными сиренами подъехали с двух противоположных сторон сразу два милицейских автомобиля. В банке разбили стекло и дважды выстрелили из пистолета, потом из-за металлической решетки раздалась автоматная очередь. Короткая, профессиональная. Но и пистолетные выстрелы, и автоматная очередь были торопливыми – скорее пугающими. Стреляли явно не на поражение. Но менты среагировали правильно и попрятались за машины, выставив поверх капотов подготовленное оружие, но сами в ответ не стреляли, боясь попасть в тех, кто оказался у налетчиков в заложниках.

Стоящие рядом с банком машины торопливо отъезжали. Осталась только одна, очевидно, та самая, на которой бандиты подъехали. И через дорогу другая, из которой наблюдал происходящее лейтенант Велесов. Впрочем, его машина была вне поля зрения, открывающегося из окон, и потому он не боялся шальных пуль.

Улица стала «голосистой». Еще сразу четыре милицейские машины оказались рядом, три из них – омоновские. Менты, кажется, уже научились быстро реагировать на сигнал тревоги. Пяти минут не прошло, а они уже на месте происшествия.

– Двор перекройте! – опустив стекло в дверце, крикнул Сан Саныч.

Одна из омоновских машин сразу повернула и направилась во двор, но на въезде развернулась и заняла прежнее место – во дворе уже бежали омоновцы с другой машины. Через две минуты подъехал и остановился в стороне уже автобус с омоновцами. Парни в бронежилетах выставили заграждение, чтобы не сунулись под выстрелы прохожие. Но прохожие сами не дураки, близко старались не подходить, однако в стороне быстро собирались большой говорливой толпой. Известно, что любопытство – самый древний порок человечества...

Кем-то вызванные, сразу же подъехали две обычно неторопливые машины «Скорой помощи», остановились в стороне, не въезжая в опасную зону.

Вскоре прибыл на «Мерседесе» какой-то милицейский полковник и с ним человек в гражданском. Они и начали активно распоряжаться, хотя распоряжаться было уже поздно – омоновцы перекрыли налетчикам все возможные выходы.

Принесли мегафон. Говорить начал человек в гражданском. Мегафон разносил его твердо произнесенные слова во

все окрестные улицы и дворы:

– Мы предлагаем вам сложить оружие и сдаться. Здание окружено, попытки сопротивления бесполезны...

В ответ прозвучал звон выбиваемого стекла. Стекло уже было частично разбито, теперь его разбили полностью, чтобы не мешало говорить.

– Жену свою, козел, пугай. У нас здесь заложники... – Бандит говорил с откровенным кавказским акцентом, что, впрочем, вовсе не говорило о том, что он обязательно должен быть кавказцем. Велесов слышал недавно, что кто-то во время ограбления, скрывая лицо под маской, искусно имитировал кавказский акцент, чтобы пустить следствие по ложному следу, и сначала это даже удалось. Не исключался такой вариант и сейчас. – Если нам не освободят дорогу, мы начнем по одному убивать заложников... Если они сами не передохнут. Тут уже одной бабке с сердцем плохо. Скоро всем станет с сердцем плохо...

– Никто не собирается освобождать вам дорогу, – сказал человек в гражданском. – Когда омоновцы ворвутся в здание, вас арестовывать не будут. Вас просто пройдем отдадут для разговора.

– Пусть они сначала ворвутся...

Что-то ухнуло – совсем не похожее по звуку на выстрел, и потому менты среагировали не сразу. Но лейтенант Велесов понял, что это выстрел из гранатомета. К счастью, выстрел оказался навесным и не прицельным, и граната разорвалась

в стороне, разворотив кусты в придорожном газоне и разбив осколками несколько стекол в ближайшем доме.

Человек с мегафоном и ментовский полковник торопливо перебежали к другой машине, стоящей в «мертвой зоне» и недоступной для обстрела. И только тогда Сан Саныч впервые за все время инцидента вышел из своей машины, оказавшись за спинами бойцов оцепления и потому имея возможность сразу подойти к руководителям операции, выглядевшим, похоже, достаточно растерянными.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник. – Велесов остановился перед полковником, потому что не знал звания человека в гражданском.

– Кто такой? Откуда взялся? – Полковник задал сразу два вопроса.

– Лейтенант Велесов, спецназ ГРУ.

– Что надо? – с распростертыми объятиями лейтенанта никто не принял и даже выслушать его, кажется, полковник не особо рвался.

– У меня жена там... В Сбербанке...

– И что? – спросил второй, тот, что в гражданской одежде. – У всех там есть жены или мужья, дети или внуки... Я – вице-губернатор области...

Человек в гражданском, похоже, даже фамилию свою забыл – так он гордился своей должностью. И голос об этом же говорил – он прибыл сюда исключительно распоряжаться, а не заниматься нуждами каких-то людей.

– Мысль есть, – сказал Велесов, упрямо поджав губы, отчего слова прозвучали совсем тихо и даже зло. – Я их «сделаю».

– Ну-ка, спецназ... – совсем изменился голос полковника.

– Старушке плохо. «Скорая» рядом... Я пойду в качестве врача...

– И сразу проколешься, – сказал вице-губернатор. – Любой медицинский вопрос и... И начнут убивать заложников...

Велесов глянул на врачей, стоящих рядом со своей машиной. У одной машины два человека в белых халатах, у второй тоже два. Только у первой – двое мужчин, у второй – женщина в возрасте и молодой парень. Наверняка студент, подрабатывает медбратом.

– Вместо вон того медбрата, – кивнул Велесов, сделав выбор.

Полковник глянул на вице-губернатора. Тот молчал, и мент все же решился взять управление ситуацией на себя.

– Пойдем, лейтенант... Молод ты больно, но это и нужно...

* * *

Полковник подозвал врачей. Вся группа оставалась невидимой из окон Сбербанка, и потому разговаривали открыто. Врач-мужчина категорично отказался идти в здание:

– Я не вижу необходимости добровольно отдавать себя в заложники.

– Леонид Аркадьевич... Вы вынуждаете пойти женщину, – с укором сказала врач-женщина. – Но я пойду. Я людям помочь хочу... Это профессия моя – помогать людям.

– А вот этот молодой человек пойдет с вами медбратом. – Полковник положил руку на плечо лейтенанту.

– Зачем? – не поняла женщина.

– Так надо.

Вице-губернатор, стоя за спиной полковника, молчал, не желая брать на себя ответственность. Вдруг что-то пойдет не так. Тогда будет, с кого спросить. А если все пойдет удачно, всегда право доклада будет предоставлено не полковнику, а ему. И он, как всякий опытный чиновник, доложить наверх сумеет...

– Пойдем... – Велесов, не теряя времени, взял под руку настоящего медбрата и повел его в машину «Скорой помощи».

– Куда вы? – не понял полковник.

– Переодеться.

– Здесь места мало?

– А если у них в толпе помощник с телефоном?

Больше вопросов не возникло. Этот лейтенант с детским лицом показал, что может соображать. Но как он может действовать?

Через тридцать секунд Велесов, облачившись в белый халат, выбрался из «Газели» первым. Он нес в руке чемоданчик с медицинским оборудованием. Настоящий медбрат остался в машине с джинсовой курткой лейтенанта в руках.

- Пойдемте, – позвал лейтенант женщину-врача.
- Оружие, – напомнил полковник.
- Не надо... Могут проверить. Я сам – оружие...

* * *

Теперь мегафон оказался в руках полковника.

– Внимание, – сказал полковник намеренно внятно и членораздельно. – Пропустите к старушке с сердечным приступом врача «Скорой помощи». Иначе не будет никаких переговоров.

– Нашел дураков, – крикнули из окна. – Никого не пустим.

– Тогда и вас никто не выпустит... Переговоры будем вести только после того, как врач окажет больной помощь. Врач – женщина, с ней медбрат – студент... Они не могут вам угрожать.

– Пусть подойдут к окну.

Велесов вместе с женщиной-врачом подошли к окну. Из-за стекла высунулась голова в черной маске. Рядом показались вторая. Рассматривали долго, обсуждали что-то шепотом.

– Заходите, – сказал наконец один.

Женщина решительно двинулась к крыльцу первой. Металлическая дверь раскрылась широко, она прошла без задержки, а Велесову в грудь уперся автомат.

– Подожди, студентик...

Предусмотрительность лейтенанта опять сыграла свою роль. Его обыскали тщательно. Даже штанины осмотрели, под которыми любят прятать второй пистолет полицейские и преступники в американских фильмах. Впрочем, второй пистолет выпускался и советской промышленностью для тех же нужд, но не нашел широкого применения¹. И только после обыска протолкнули в помещение. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить обстановку и убедиться в предусмотрительности бандитов. Всего их было четверо. Двое на приеме, двое в противоположном конце помещения. Автоматы с той и с другой стороны направлены на людей в белых халатах.

Женщина-врач уже склонилась над старушкой, которую чьи-то руки уложили на кушетку. Начала мерить давление. Велесов остановился рядом, поставил чемоданчик с медикаментами и поймал быстрый взгляд жены, показывающий за окошко кассы. Она уже поняла ситуацию и обратила его внимание туда, куда следовало. Даже не посмотрев в сторону окошка, Велесов понял, что там еще один бандит сидит, словно в засаде. Но сейчас пришлось присесть рядом с врачом, чтобы не вызвать подозрений.

– Носилки надо, – смерив давление, сказала женщина-врач. – Обширный инфаркт...

– И пусть, – сказал один из бандитов. – Инфаркт так ин-

---

¹ Пистолеты «ОЦ-21» и «ОЦ-26», так и не доработанные до конца из-за финансовых проблем разработчиков, вызванных перестройкой.

фаркт.

С кавказским акцентом они говорили, кажется, все. Но принадлежность к кавказскому этносу вовсе не делает автоматически из всех бандитов хороших бойцов. Это Велесов уже понял по тому, как они расслабились, не увидев в медицинской бригаде откровенной опасности. Те двое, что заняли позицию у дальней стены, опустили стволы в пол. Из двоих ближних один забросил ремень автомата за плечо; второй держал свое оружие за цевье, наклонившись над старушкой и над присевшим лейтенантом.

На решения были отпущены доли секунды, которые упускать было нельзя, на действия – только несколько коротких секунд, которые хотелось бы еще сократить. Положение ближнего бандита было настолько удобным для нанесения удара, что Велесов решил момент не упускать, потому что второго такого могло и не быть. Он ударил совсем коротко. Даже не ударил, а коротко выбросил вверх и вбок кулак, добавляя к резкости движения предплечья резкий изгиб кисти и моментальное сжимание пальцев. Точно в печень. Никто и не увидел этого удара. Но удар в печень хорош еще и тем, что человек, уже потеряв сознание и не имея возможности к сопротивлению, не сразу падает. Сначала подгибаются ноги. Но автомат из ослабевшей руки выпал прямо в подставленную ладонь лейтенанта.

Дальше Велесов действовал не раздумывая. Естественно, он заранее заметил, что предохранитель уже опущен в поло-

жение автоматического огня. Первая короткая очередь последовала сразу в окно кассы, отбросив кого-то от стекла, и только после этого бандит начал падать. Однако Велесов уже подставил под него свою спину и прикрылся, как щитом, от выстрелов сзади. Впрочем, от выстрелов спереди тоже. Но здесь стрельба началась одновременно. лейтенант сразу срезал одного из бандитов, не успевшего поднять оружие, но когда его ствол нашел второго, тот уже нажимал спусковой крючок. Открыл огонь и Сан Саныч. Понял, что попал, но тут же почувствовал, что пули его противника разорвали спину своего товарища, которым Велесов прикрывался. Остался один противник за спиной. И, поворачиваясь к нему, лейтенант всем корпусом швырнул тело мертвого бандита в то место, где предполагал застать противника. Маневр почти удался. Тело не выбило из рук бандита оружие, но отклонило его, и очередь ушла в пол. А сам Велесов, поднимаясь, уже бил ногой в голову. Удар отбросил бандита к стене, заставив потерять ориентацию. лейтенант, разворачиваясь и делая бросок корпусом, мощно ударил прикладом прямо в середину груди, в соединение правой и левой половины грудной клетки. Такой удар обычно вызывает ушиб сердца и приводит к потере сознания, а порой и к смерти. Стрелять в него Велесов не стал умышленно. Необходимо было хотя бы одного взять живым, чтобы допросить...

* * *

Ввязываясь в эту историю, лейтенант Велесов не знал, что она косвенно является продолжением его первой чеченской командировки. Бандиты оказались чеченцами, которые только недавно были боевиками, а после объявления амнистии сдались властям, потому что во многом благодаря стараниям и спецназа ГРУ жизнь в лесах стала для них уже почти невозможной. Но жить мирной жизнью они не только не умели – они не хотели...

В какую же историю его хотят ввязать сейчас?..

Часть I

Глава 1

1

Дом – большой, каменный, с черепичной крышей, в два полных этажа да еще с мансардой, имеющей балкон, – стоял на обрыве, под которым текла извилистая неширокая речка Талая. Обзорные окна выходили на эту речку, на небольшой песочный пляж на косе и на противоположный берег, покрытый густым лесом русской средней полосы. Получившая от имени речки свое название деревня Талая, в которой дом построили, давно значилась на картах с условным обозначением «нежил». То есть нежилая... Таким образом, все население деревни состояло из обитателей этого современного дома, так не вписывающегося в привычный сельский пейзаж, чаще изобилующий гнилыми развалинами, нежели чем-то иным. Правда, население это в большинстве своем появлялось здесь летом, а в другие времена года здесь жила только семья, имеющая собственный дом в соседней жилой деревне, но не имеющая там работы. Здесь им, чтобы присматривали за большим строением, хотя бы платили неболь-

шие деньги, которых едва-едва хватало, чтобы протянуть зиму и начало лета до той поры, когда начнет кормить огород...

Со стороны деревенской улицы дом выглядел не менее солидно и начинался узорчатым бетонным забором, упирающимся в два гаража с автоматическими воротами, открывающимися по нажатию кнопки на брелоке.

Но в этот день ворота обоих гаражей были подняты, машины стояли на месте, а рядом стояли еще два авто, солидные и вместительные черные внедорожники «Тойота Ленд Крузер 100» и «Хаммер 2». В «Хаммере», за черными тонированными стеклами, сидели люди в черных строгих костюмах. Опытный глаз без труда определил бы в этих людях охранников или даже простых боевиков, временно оставшихся без работы, потому что на территории двора и дома распоряжались другие охранники – хозяйские, сосредоточенными лицами схожие с первыми...

* * *

На втором этаже потрескивали в камине дрова. Еловое «смолье» горело ярко и давало много тепла. Правда, в камин обычно подкладывают березовые поленья, потому что еловые и сосновые имеют дурную привычку «выстреливать» угольями в разные стороны. Но здесь камин был прикрыт, как посудный шкаф, двумя стеклянными створками с литыми медными ручками. Стекло специальное, жаростойкое: и

температуру хорошо держит, и отблесками пламени создает в комнате особую атмосферу уюта и спокойствия. А тепло передает кладка из природного камня, которым камин обложен. И красиво, и практично...

– Мне, собственно говоря, наплевать на то, кто этот несговорчивый тип... заведующий отделом, замминистра или даже министр. Мне нужно, чтобы ты с ним договорился. Именно за умение договариваться я тебе деньги и плачу, – сказал человек приятной восточной внешности и атлетического сложения, поправляя закрутившийся воротник своего махрового халата, и сел в кресло перед овальной формы стеклянным столом.

– Я всегда с ним договаривался, ты же знаешь... – оправдываясь, сказал его собеседник, выговаривая русские слова с трудом, но старательно, и, повторяя движение первого, поправил борт своего длинного кожаного плаща. – Называл сумму, он добавлял, немного торговались и в цене сходились... А тут что-то другое... Уперся, понимаешь, рогом: «Не могу». Других слов, похоже, совсем не знает. И никакие уговоры не действуют... Мне показалось, его уже с какой-то другой стороны прикупили, и он за свою толстую задницу побаивается.

Человек в махровом халате коротко скривил рот – так ухмыльнулся. Неодобрительно.

– Откуда взяться другой стороне?

– Всякое случиться может... И новая сторона может объ-

явиться.

– Будь проще. Не умеешь летать, ходи по земле, но по земле ступай твердо. Ищи другие интонации в разговоре. Мне ли тебя учить?

– Слегка придавить? – Вопрос прозвучал так, словно человек в плаще спрашивал разрешения, сам не решаясь принять кардинальное решение.

– Думай... Я тебе ничего не советую, мне только результат нужен. За то и плачу. И знать не хочу, каким путем ты пришел к результату.

– Ладно... Я этот вопрос решу. – Человек в кожаном плаще сел наконец-то в кресло и взял в руки фужер с вином. Не стакан, из каких сейчас пьют чаще, а именно хрустальный фужер. Вино было незнакомое, со странным горьковатым вкусом и с непонятным пряным запахом, и он старательно сдерживался, чтобы не поморщиться. Но выпил все до дна.

Его собеседник тем временем сделал только маленький глоток из второго фужера.

– Мы, кажется, все вопросы решили? Деньги нужны?

– Пока еще остались. *Он же не взял...*

– Тогда – будем прощаться. Я завтра тоже домой поеду. Ночами здесь прохладно. Не хочу простыть.

– Диск где хранишь?

– В сейфе.

– А сейф где?

– В тайнике. – Это уже прозвучало совсем не так, как пер-

вый ответ, и человек в кожаном плаще понял, что напрашивающийся третий вопрос ему задавать не стоит.

– Я хотел подсказать, чтобы ты не хранил его в офисе. У Вагиза есть какой-то спец по сейфам. Говорят, нет такого сейфа, который под него не «ляжет». Отставной офицер спецназа ГРУ. Боец хороший...

– Тем не менее сам Вагиз свой диск хранит в офисе. Он мне показывал. Ему сейф монтировали японцы. Дали гарантию от любой попытки взлома. Кстати, поищи спеца по сейфам и для меня. Может, когда-то и сгодится... Может... Может, сможешь этого спецназовца перекупить. Хотя бы для одноразового использования. Понимаешь, о чем я говорю?

– Вагиз...

– Все. Мне пора в тренажерный зал. Режим для того и создан, чтобы его соблюдать. Прощаемся...

Человек в халате встал и халат одернул, словно парадный смокинг, чтобы убрать возможные складки. Фигура у него в самом деле была хорошая и подчеркивалась туго затянутым поясом.

Человек в плаще протянул руку на прощание и вышел. Посмотреть со спины – голова на его широкой шее борца смотрелась почти лишним предметом. Но в деле он обычно показывал себя человеком, не ведающим сомнений и колебаний, как бойцовский пес.

Хозяин дома проводил гостя взглядом до двери, открываемой фотоэлементом перед самым носом, и в очередной

раз усмехнулся, когда человек в плаще снова забыл про фотоэлемент и протянул свои тяжелые руки, чтобы распахнуть створки. Движение выглядело отмашкой мага, по которой двери раскрылись...

* * *

Человек в халате, однако, в тренажерный зал не поспешил, он отошел к окну и проследил из-за шторы, как его гость садится за руль черного «Ленд Крузера» и как тяжело выворачивает не слишком поворотливый на узкой деревянной улице «Хаммер». И после этого достал из кармана халата трубку сотового телефона. Номер набрал по памяти.

– Вагиз... Это Алиахмет. Приветствую тебя, друг дорогой. У меня только что был Руслан... Помнишь его? Да, мой парень. Он у меня обычно занимается уговорами людей. Так вот, у нас возникли непредвиденные проблемы. Тот человек из Минприроды... Да, кажется, он начальник какого-то отдела... Так вот, он всегда был сговорчивым и охотно руку растопыривал. А теперь ни в какую сотрудничать не хочет. Руслан подозревает, что появилась какая-то третья сторона, которая желает вмешаться. Они этого чиновничка перекупили, и теперь он боится с нами работать... Я вот что звоню... У тебя там нет своих людей? Нет-нет... Это на крайний случай, и Руслан с этим сам справится. Мне хотелось бы попробовать завершить дело миром. Нет? Ну и ладно. Справимся. Я

завтра, может быть, уже вернусь. Хорошо... Привет жене и деткам... У тебя, я слышал, опять намечается прибавление семейства? Это дело полезное. Поздравить еще успею...

Алиахмет убрал трубку в карман и в задумчивости перешел к другому окну, выходящему на берег. Наблюдать этот пейзаж он любил и всегда считал, что это место навевает на него хорошее настроение и приносит хорошие мысли. В данном случае хорошая мысль пришла чуть раньше. Алиахмет не просто так позвонил своему временному компаньону. Его звонок выглядел просьбой о помощи. За помощью обращается более слабый к более сильному. Пусть Вагиз считает его, Алиахмета, слабой стороной. Слабая сторона не всегда готова к решительным действиям. И Вагиз не должен думать, что Алиахмет готов проявить решительность.

И вовремя о третьей стороне сказано...

Если существует третья сторона, на нее всегда можно что-то свалить...

* * *

Руслан первым выехал на шоссе, примыкающее к главной трассе, ведущей в Москву, и набрал скорость. «Хаммер» из-за своей тяжести более уверенно идущий по проселкам, на шоссе угнаться за «Ленд Крузером» мог только с трудом, если мог вообще. Но внезапно Руслан начал тормозить, а вскоре и совсем остановился. Остановился и «Хаммер».

Руслан в задумчивости вышел из машины, несмотря на то, что моросил мелкий дождь. Вышли и его сопровождающие из «Хаммера», не побоялись замочить костюмы. Остановились между машинами. Ждали, когда Руслан что-то скажет.

– Так... – начал наконец он и ткнул пальцем в грудь одному. – Ты, Муса, мне говорил про этого спеца по сейфам. Найди его. Я хочу с ним пообщаться.

– Найти не трудно. Главное, чтобы он общаться захотел...

– Предложим выгодное дело. Очень выгодное.

– Попробую. Только общаться сам будешь.

Руслан согласно кивнул, главную работу он всегда брал на себя.

– А ты, Арби... – тут же обратился к другому и оглянулся, словно боялся, что его подслушают посторонние. – Ты собери мне все материалы на Холмогорова... Где его взять можно? За какое место? Каждого взять можно. И его можно. Будем брать... *За горло.*

– Сделаю, – согласился Арби. – Я люблю брать людей за горло. Мне это бывает приятно...

2

Евсеев долго искал место для парковки. С трудом нашел, но поставил свою «Короллу» довольно далеко от нужного дома. В последнее время в районе часто угоняли машины, но у Виктора Васильевича было надежное противоугонное

устройство. Пожалуй, надежнее, чем любое другое, самое современное электронное или даже спутниковое.

– Подожди, Ерема, меня. Я скоро, – сказал он «противоугонному устройству».

Громадный белый алабай², готовый уже выскочить из машины, как только хозяин освободит место, со вздохом сожаления сел на заднем сиденье, привычный к своей роли сторожа, но мечтающий все же о том, чтобы побегать и вокруг машины тоже. Там он видел больше возможностей для выполнения своих обязанностей, которые любил самозабвенно. Здесь, в машине, как хорошо знал Евсеев, Ермак не будет обращать внимания на прохожих, он среагирует только на человека, который попытается заглянуть в машину – через любое из стекол. Особенно интересно бывает наблюдать эффект неожиданности, когда пытаются заглянуть через заднее сильно затемненное стекло или через такие же затемненные стекла на задних дверцах. И мало кому захочется иметь дело с ощеренной пастью, которая одним смачным движением перекусывает стандартный черенок лопаты. А это бывает видно сразу, даже если рядом нет перекушенного черенка...

Включив сигнализацию, Виктор Васильевич прошел два дома и в третьем зашел в подъезд. Комбинацию кодового замка на подъездной двери он знал хорошо, но дверь была, как обычно, не заперта, и потому не пришлось даже ломать

---

² Алабай – туркменский волкодав, одна из самых крупных пород собак, у отдельных представителей породы рост в холке приближается к метру.

пальцы, набирая код и открывая замок. На первом этаже он остановился и с силой потер себе шею, заставляя кровь бегать быстрее – это обычно помогало хоть на несколько минут снимать хроническую уже головную боль.

Его ждали, должно быть, у окна, узнали и открыли дверь.

– День добрый, Анна Ярославна...

– Чего уж доброго, – отмахнулась женщина с заплаканными глазами. – Проходите...

Она была примерно одного возраста с Виктором Васильевичем. Так ему показалось при первой встрече. Сейчас, полгода спустя, она выглядела на добрый десяток лет старше.

Он разулся и прошел в комнату. Обычно Евсеев предпочитал при разговоре смотреть людям в глаза. А этой женщине не мог, и потому в очередной раз весьма даже заинтересовался рисунком обоев, архаичной мебелью тесноватой однокомнатной квартиры и всем другим, на чем взгляд может нечаянно задержаться.

Молчание длилось долго. Евсеев этого не выдержал первым. Хотел еще раз потереть шею, потому что головная боль подступила снова, но не стал этого делать, так как у посторонних его действия, как правило, встречались вопросом. А отвечать на этот вопрос он не любил. И потому, чтобы отвлечься от головной боли, спросил:

– И что они сказали?

– Тот же звонил. Что в прошлый и в позапрошлый разы. Я голос хорошо запомнила.

– И что он сказал?

– Сказал, что Толику придется три жизни отрабатывать сумму, если мы не поторопимся. А через месяц... Как это они говорят-то? «Счетчик включит», вот, «счетчик», и будут проценты «щелкать». Тогда уж точно не выкупить. Через месяц он позвонит.

– Я делаю все, что могу. Набрал уже семьдесят тысяч. Если машину продать... Она не новая. Больше двенадцати не дадут.

– Квартира, к сожалению, не моя, – сказала женщина. – Я бы продала...

– Это тоже не выход, Анна Ярославна. И я свою продать тоже не могу. У меня семья.

– А про ваши семьдесят тысяч я тоже сказала. Он говорит, этого мало. Толик, говорит, в месяц на столько съедает.

– Много у них не съешь, – нехорошо усмехнулся отставной подполковник.

– Толик всегда мало ел... – Анна Ярославна готова была уже и слезу пустить, увидел Виктор Васильевич, но у него не было слов утешения, достойных того, чтобы их произносить, а говорить банальности не хотелось.

Он посмотрел на крупную фотографию в рамке, поставленную на высокий комод. Странно, сейчас вот смотрит на фотографию. И узнает рядового Юденича. А без фотографии, при всей своей профессиональной памяти армейского разведчика, никак не может вспомнить лицо солдата. Навер-

ное потому, что солдаты все бывают на одно лицо, и никого из них подполковник во время службы особо не выделял.

Анна Ярославна остановилась у окна. Наверное, и такая поза тоже что-то ей напоминала. Имя и отчество у нее хорошие. Как у знаменитой королевы Франции, дочери князя Ярослава Мудрого. Хотя сама она отнюдь не княжеская дочь, и даже возможность стать королевой, пусть и не республиканской Франции, ей не грозит...

– Я насчет кредита интересовалась... Только кредит отдавать же надо. Никто не даст...

Будто она надеялась, что ей дадут кредит без отдачи...

Пора было и уходить. Виктор Васильевич с трудом выносил атмосферу этой квартиры. Здесь пахло только лекарствами и болезнью. Он, отставной подполковник спецназа ГРУ, многое в жизни перенес и никогда не чувствовал такой физической усталости, как от посещения этой квартиры. Кроме того, запах лекарств сразу возвращал его не разумом, а эмоциями в отделение госпиталя, где он провалялся два с половиной месяца, после чего вынужден был уйти в отставку. Можно было бы и на пенсию по инвалидности отправиться. Однако инвалидом чувствовать себя не хотелось. Теперь он снова ощущал боль и болезнь, они висели в воздухе вокруг него. Это переносить было тяжело. И потому Евсеев встал.

– Деньги я могу вам оставить. Семьдесят тысяч долларов. Хотя держать дома такую сумму, честно говоря, опасно.

– Нет-нет. Пусть у вас будут... – Она словно испугалась

новой возможной напасти и даже руки перед собой выставила, словно защищаясь.

– Ладно... Тогда я пойду. Извините уж, что не стремлюсь вас успокоить. Не умею я обманывать. Трудное лежит на нас с вами дело, но я попытаюсь его сделать. Хочу попросить одного богатого человека. Может быть, даже сегодня. Не в долг, а в качестве помощи. Может быть, у меня получится, но твердо я вам обещать не могу.

– Может, чайку попьете? – не слишком настойчиво предложила она.

– Нет-нет. Я спешу.

* * *

Виктор Васильевич покинул этот дом гораздо более стремительно, нежели входил в него. Хотелось глотнуть свежего воздуха. И сам себе он казался похожим на рыбу, выброшенную на берег. Хотя знал, что открывать рот при дыхании не будет никогда. У него привычка держать губы твердо сжатыми.

На улице и правда дышалось легче, там пахло бензином и выхлопными газами автомобилей, а не лекарствами. А к бензину и к выхлопным газам каждый горожанин привык настолько, что почти не чувствует их.

– Ерема, я пришел, – кивнул Виктор Васильевич «противоугонному устройству».

Пес полез «целоваться», и Евсеев невольно улыбнулся своим не улыбочивым лицом, отстраняя его от шершавого языка собаки. Ермак успокоился быстро и занял свое привычное положение на заднем сиденье.

Евсеев взглянул на автомобильные часы. До встречи с полковником Мочиловым время еще было, но задерживаться где-то тоже не стоило, потому что Москва изобилует пробками, и неизвестно, где встретишься с очередной. Виктор Васильевич еще раз, теперь более основательно, помассировал шею и выехал с парковки, прикидывая, каким путем ему лучше добираться на Хорошевку к зданию ГРУ...

* * *

– Я прекрасно тебя, Виктор Васильевич, понимаю. И у меня тоже душа болит от каждого подобного случая, но я посадил специально человека, чтобы он просмотрел все наши агентурные сведения и все сведения МВД, в том числе и МВД самой Чечни, но никакого следа... У кого же, в конце-то концов, этот парнишка может находиться?

– Человек, который звонил сегодня уже в третий раз – один и тот же звонил! – называть себя упорно не желает. Анна Ярославна специально по моей просьбе спрашивала его. Он не ответил. Если не отвечает, значит, у него есть какие-то причины не называть себя. А теперь если и назовется, то наверняка только вымышленным именем.

Полковник Мочиллов начал растерянно и бесцельно передвигать по столу бумаги.

– Мамаев, банду которого ты тогда уничтожил, давно в земле покоится... Кто-то из членов его банды?

– Возможно, Юрий Петрович, возможно... Но я даже не знаю, сколько человек тогда уничтожили, сколько в плен взяли, сколько ушло. Меня ранило до окончания операции. И сразу вывезли вертолетом.

Евсеев почесал заметный шрам над правым ухом, спускающийся сверху до скулы. Шрам слегка зарос волосами, но просматривался отчетливо. Полковник Мочиллов ответно почесал свой шрам, пересекающий все лицо. Этот шрам, раньше заметный, сейчас уже почти зарос и явственно просматривался только тогда, когда Мочиллов возбуждался, а кровь прилиwała к голове.

– Я помню... Надо, думаю, поднимать материалы прокуратуры. И интересоваться списками на тех, кто был тогда с Мамаевым. На всех, кто остался жив. Сколько у него вообще человек было?

– В тот раз он собрал больше шестидесяти из разных джамаатов. Планировал провести крупную акцию. Мы остановили его на полдороге к Гудермесу.

– А что с мальчишкой было?

Евсеев поморщился, вспоминая. Ему не были неприятны сами воспоминания об операции, которую он проводил силами своего отдельного батальона. Просто эти воспомина-

ния пресекались в конкретном месте, и это пресечение вызывало головную боль. А массировать шею при полковнике не хотелось.

– Мы Мамаева в урочище обложили, пути отхода перекрыли полностью с трех сторон. С четвертой его группа «кадыровцев» держала. Вторая рота у меня в резерве была. Перекрывала дорогу, чтобы кто-то к нам с тыла не сунулся. С ротой связь прервалась. Я рядового Юденича и послал. Выяснить, что со связью... Связь восстановили, Юденич назад пошел, а тут Мамаев в прорыв двинулся. При поддержке минометов... Меня и накрыло... И Юденича с тех пор больше никто не видел.

– И сколько, говоришь, за него просят?

– Двести тысяч баксов...

– Неплохо... Отсутствием аппетита не страдают.

– Считают, что мать может за столько продать свою квартиру. А квартира эта ей не принадлежит. Естественно, занять деньги она не может, поскольку не сможет никогда их отдать. Я смог найти пока только семьдесят тысяч. За три месяца... И не уверен, что смогу найти остальные...

– Что я тебе, Виктор Васильевич, сказать могу... У меня таких денег, сам понимаешь, нет. И у меня нет гарантии, что при такой минимальной информации мы можем рассчитывать на помощь силовых органов. Обратиться сейчас в МВД Чечни – и, пожалуй, мать никогда уже не увидит мальчишку живым. Информация оттуда уходит моментально. Восточ-

ный вопрос – у всех есть кумовья и кунаки... Я попробую подключить пару ОМОГ³, сейчас у нас четыре группы в Чечне находятся. Пусть поищут следы, но осторожно. В свою очередь, подниму личное дело солдата. Кто он по гражданской профессии? Не знаешь?

– Не знаю. Я его даже в лицо плохо помню.

– Ладно. Подниму личное дело. Есть шанс зацепиться за профессию, если хозяева ее пожелают использовать. Обычно они такой шанс заработать не упускают. Это все. Полностью переключить все силы на поиск я не могу, поскольку все группы выполняют свои конкретные задачи. Поэтому рекомендую тебе продолжить параллельный поиск денег...

Полковник встал, показывая, что разговор окончен.

В принципе, после своего звонка и короткого предварительного разговора по телефону Виктор Васильевич и не ожидал, что полковник Мочиллов бросит все свои дела, отменит все операции, проводимые в Чечне силами спецназа ГРУ, и займется только поисками рядового Анатолия Юденича, официально пропавшего без вести шесть с небольшим месяцев назад... Не ожидал Евсеев этого даже и до своего звонка. А обратился он к своему бывшему командованию только в надежде найти какие-то случайные следы. Мало ли – проскользнула информация...

Но такой информации тоже не оказалось...

Настроение после визита в Службу не улучшилось, голов-

---

³ ОМОГ – отдельная мобильная офицерская группа.

ная боль только усилилась, и теперь все надежды Виктора Васильевича сводились только к тому, что щедрым окажется Вагиз – темный человек, у которого отставной подполковник Евсеев уже смог заработать семьдесят тысяч долларов благодаря своим профессиональным навыкам...

По дороге от подъезда до служебной стоянки Виктор Васильевич упорно пытался вспомнить лицо рядового Анатолия Юденича. Фигуру помнил, походку помнил, а вот лицо расплывалось и никак не приобретало определенные черты. Словно это было не лицо конкретного человека, а единое лицо тех многих молодых российских парней, что сгнули в Чечне, как в болотной яме, и не оставили о себе следа. Таких, вопреки официальным сводкам, как знал отставной подполковник, было очень много...

3

– Он идет, – сообщил голос в «переговорке».

– Смотри за ним, не выпускай. Мне отсюда стоянку не видно, – распорядился Руслан.

Они, конечно, рисковали, продолжая слежку за машиной подполковника Евсеева прямо на служебной стоянке около здания ГРУ. Случись, что обнаружат их, потом можно пропасть без следа и уж, конечно, без официального следствия. Тоже книжечки почитывали и знали, что с этим ведомством лучше не связываться, потому что здесь предпочитают не

предоставлять адвоката со стороны защиты. Тем не менее, уцепившись за машину раньше, боялись упустить и потому соблюдали повышенную осторожность.

Но на Хорошевке, хвала аллаху, все обошлось благополучно. И потому поехали за подполковником дальше. В Москве организовать слежку и при этом остаться незамеченным даже опытным профессионалом, таким, как этот подполковник, – проще простого. В пробках всегда есть возможность не потерять объект из вида. Даже в метро или на улице следить гораздо сложнее. И там гораздо выше вероятность засветиться.

Руслан рассадил всех своих помощников на малоприметные старенькие машины. Конечно, иномарки, чтобы не подвели в серьезный момент, но старенькие, каких полно везде. Благо у каждого такая имелась. Смешно было бы им всем ехать за подполковником на «Хаммере». Да и «Хаммеру» в пробках приходится гораздо сложнее, чем любой другой машине. Третья модель еще более-менее для города приспособлена, а вторая призвана только серьезность человека показывать, а не по городу вертеться...

Подполковник выехал со служебной стоянки и направился в сторону центра города. Это Руслан уже увидел. Но сам пристраиваться близко к «Королле» не захотел. «Ленд Крузер» слишком много места занимает в зеркале заднего вида, и никому не понравится, когда тяжелый внедорожник прилипнет к заднему бамперу, угрожая «въехать» в фонари.

Сначала пусть парни увяжутся – они опытные, к московским дорогам привыкли и не упустят никого. Если будет надобность, сообщат по «переговорке», хотя какая надобность может возникнуть при слежке...

Ехали довольно быстро, как все в Москве стараются ездить – когда дорога свободная, хочется спрессовать время, зная, что потом может наступить момент, когда оно будет долго растягиваться. Так и произошло. Ближе к центру ситуация стала полностью московской, и пришлось трижды еле-еле ползти.

Но пробки создавали свое преимущество. Машину подполковника в этой обстановке просматривали с трех сторон.

– С кем-то по мобиле болтает...

– Уже во второй раз...

– Ему звонили или он звонил? – спросил Руслан.

– Какая разница?

– Большая... Если он звонил, может, он нас засек и теперь потащит в ловушку. Смотреть надо! Зенки разувайте. Если потащит куда-то на глухие улицы, поворачиваем по первой команде. Дальше можем на очередь из встречной машины нарваться...

– Он сам звонил. Я видел, как он набирал.

– Хреново. Будем внимательны...

– А если он просто бабе своей докладывает, когда на обед приедет?

– «Жучок» ему в машину надо поставить.

– Он к офису Вагиза едет... Если сейчас повернет налево – точно. Вот... Сигнал поворота включил, перестраивается на крайний ряд...

– Первая машина за ним, остальные проезжают дальше, – сразу решил осторожный Руслан. – К Вагизу мы минут через пять подкатим с противоположной стороны. Чтобы без подполковника. У него взгляд собачий, может машины запомнить...

Отъезжать далеко Руслан не стал. Уже на следующем повороте дал общую команду «забирать» влево и сделать петлю, чтобы проехать мимо офиса Вагиза, как и думал, с другой стороны.

– А вообще, долго мы будем бензин жечь? Пора что-то и решать. Как-то подкатить к нему...

– Предложения есть? – спросил Руслан.

Он обычно любил долго готовить то, что порой и подготовки не требует. И это все знали.

– В машине что-то сломать, потом предложить подвезти...

– Попробуй, сломай... Сам в машину полезешь? К его волкодаву.

«Переговорка» донесла общий смех. Желающих общаться с такой собакой не нашлось.

– Колесо проколоть. И в машину забираться не надо.

– Под носом у охраны Вагиза... Сразу себя показать.

– Нет, – решил Руслан. – Надо просто найти номер его мобилы и позвонить...

– Мы искали. Трубка, похоже, не на него зарегистрирована.

– Алияхмет Нурович торопит. – Наконец-то и сам Руслан решил, что и ему пора поторопиться. – Ему этот подполковник нужен срочно.

– А если просто захватить его? Заблокируем машину, ствол в бок и...

– И неизвестно на что можем нарваться. – Предложенный вариант можно было отвергнуть сразу. Руслан не хотел пока обострять отношения с Евсеевым. – Так сделаем... – Он на несколько секунд задумался. – Как только он отъедет от офиса Вагиза, за первым же углом... Кто ближе будет... Прямо на ходу... Передайте ему свою «переговорку». Я говорить буду.

Машины как раз оказались около офиса. «Королла» стояла на парковке, выделенной только для машин, приезжающих сюда. Площадка с четырех сторон огорожена столбиками и цепями, и только для проезда выделен промежуток со стороны дороги.

– Проезжаем... Первая машина остается на подстраховке. Развернись, на случай, если в другую сторону двинет. Остальные – ждем за следующим углом.

Все было сделано по правилам, и все меры предосторожности соблюдены. Останавливались по одной машине вдалеке, где возможность была.

– Выходит, – сообщили из машины, что осталась возле

офиса. – На часы смотрит. Недоволен, кажется... Наверное, хотел с Вагизом встретиться, а его машины нет. Укатил куда-то. По сторонам смотрит и уезжать не спешит... К машине подошел... Открыл... С собакой разговаривает... Собака лает на бродячую шавку... Он в машину садится... Собаку успокаивает...

– Едет?

– Нет. В машине сидит. Словно ждет. Звонит куда-то.

– Жалко, «жучок» не поставили.

– Все. Завел машину. Выезжает на дорогу.

– В какую сторону?

– За вами...

– Сразу – подъезжай и передай ему свою «переговорку», – распорядился Руслан. – Два человека ко мне в машину на подстраховку.

Даже в такой обстановке работать без подстраховки он не желал...

* * *

Руслан держал переговорное устройство на руле перед собой и сосредоточенно, как в телевизор, смотрел в него. Ждал. Два парня из его «бригады» пристроились на заднем сиденье, готовые, если понадобится, оказать поддержку.

– Кому я таким необычным образом понадобился? – раздался в «переговорке» недовольный голос подполковника.

– С тобой хочет поговорить серьезный человек... – Руслан всегда считал себя «серьезным человеком». Он точно так же именовал в разговорах и самого Алиахмета Нуровича и, называя «серьезным» себя, словно бы сам себя поднимал по иерархической лестнице.

– Говори.

– Не по «переговорке». Проезжай до первого перекрестка. Через тридцать метров на нем стоит черный «Ленд Крузер». Тебя там ждут...

– Добро, – согласился подполковник. – Еду.

Руслан выключил свою «переговорку» и оглянулся на своих парней.

– Будьте готовы. Это крутой парень...

Глава 2

1

Виктор Васильевич ситуацию просчитал почти правильно. Ему несколько раз в дороге показалось, что он видит одни и те же машины неподалеку непростительно часто. Повернув к офису Вагиза, заметил, как одна из машин повернула за ним. Откуда можно было ожидать «хвост», подполковник Евсеев и предположить не мог. На ум пришло только одно – кому-то стало известно, что он возит с собой семьдесят тысяч долларов, предназначенных на выкуп чеченского пленника. Из офиса Вагиза Виктор Васильевич, беспокоясь за Анну Ярославну, позвонил ей – ведь бандиты, если знают о назначении такой суммы, не побрезгуют и пожилую женщину «потрясти»... Анна Ярославна ответила. Чтобы зря не беспокоить и без того беспокойную женщину, Евсеев просто спросил, не оставил ли он у нее папку с бумагами.

С Анной Ярославной, слава богу, все оказалось в порядке. Значит, преследователи не знают о предназначении денег. Если, конечно, они именно деньгами интересуются. Но это наиболее вероятная причина. На всякий случай, хорошо было бы оставить где-то этот пакет с долларами. Но связываться с людьми Вагиза – ничуть не лучше, чем доверять

незнакомым бандитам. Бандиты всегда остаются бандитами, даже бандиты знакомые. Конечно, было бы проще с самим Вагизом поговорить. Он, пусть и тоже бандит, да еще отъявленный, не конченый «отморозок» и стремится к цивилизованности. Где-нибудь на периферии он уже давно стал бы депутатом местной Думы, городской или областной. В Москве пока, как человек приезжий и инородец, пролезть во власть не может, поэтому приходится тратиться и понемножку власть скупать... Тем не менее Вагизу можно было бы довериться и положить деньги в его хваленый сейф. Этот сейф Виктор Васильевич видел. Сам Вагиз показывал, именно как специалисту по сейфам. В свое время подполковник Евсеев, будучи еще майором, проходил спецкурс подготовки по вскрытию сейфов и деактивации систем сигнализации. Не самый популярный для спецназовца курс, тем не менее как-то эта информация к Вагизу попала, и попала вовремя. Как раз в то время, когда Евсееву так срочно понадобились деньги для выкупа попавшего в плен солдата его батальона. Отношение к закону у Виктора Васильевича было собственное. Он без мук совести решил для себя, что если закон бессилен, чтобы помочь освободиться солдату, то этот закон можно нарушить, чтобы выполнить эту же задачу. Тем более что Вагиз предложил ему работать не против государства, что было сразу обговорено, а против таких же людей, как он сам. А что это за люди, подполковник Евсеев отлично понимал. Он отдал службе своей стране всю свою сознательную жизнь

и считал, что честно заработать громадные суммы невозможно. Из курса научного коммунизма, проходимого в военном училище, Виктор Васильевич прекрасно помнил понятие «репатриации репатриаторов», и потому согласился на предложенные условия...

* * *

Вагиз, в один из моментов своего благодушного настроения, когда ему, как это порой случалось, очень хотелось услышать похвалу, показал с заметной долей хвастовства свой сейф отставному подполковнику и попросил оценить... Виктор Васильевич осмотрел сложную электронную систему и не менее сложную механическую и высказал мнение:

– Мне с такими встречаться не приходилось. Сложная техника...

– А вскрыть сможешь? – В глазах Вагиза блестело самодовольство, которое Евсеев сразу оценил.

– Не знаю, – поскромничал Евсеев скорее по привычке, чем от желания не показать свое умение, хотя сам уже понял, как с этим сейфом можно справиться, – главное, подобрать сверло, чтобы просверлить отверстие в высоколегированной стали, и тонким щупом, снабженным подсветкой, отключить только один датчик. Остальное будет просто и не вызовет проблем. Алмазные сверла в арсенале имелись, и каленый щуп тоже. – Даже и не подскажу, кто сможет с таким спра-

виться... Из государственных спецов, по крайней мере, я такого не знаю. Может, кто-то из старой уголовной школы, хотя...

– Что? – поинтересовался Вагиз.

– Старая уголовная школа не любит электронику. А здесь все вместе завязано – и механика, и микрочипы на каждом узле... Нет... Ключ потеряешь – пожалуй, только взрывать...

Вагиз тогда остался доволен этим подробным осмотром и еще больше остался доволен мнением специалиста. Именно в этот сейф можно было бы положить деньги на какое-то время. Но Вагиза в офисе не оказалось. А Виктор Васильевич ехал именно к нему. Ехал с целью – попросить недостающие сто тридцать тысяч долларов, чтобы потом отработать их так же, как заработал первые семьдесят тысяч. Пусть даже и с процентами...

* * *

С деньгами, которые оказалось негде оставить, хотелось соблюдать повышенную осторожность, и Евсеев в туалете офиса Вагиза подготовился к неприятностям – передернул затвор наградного пистолета, поставил предохранитель в верхнее положение и в таком состоянии спрятал его в подмышечную кобуру. При нападении сзади, даже с удавкой, рука успевает взяться за оружие, большой палец надавит на предохранитель, а указательный на спусковой крючок. Хоть

какая-то безопасность. Нападения спереди Евсеев не боялся.

И только после этого вышел на улицу.

Черный «Тойота Ленд Крузер» стоял, забравшись широкими колесами на высокий бордюр, отделяющий дорогу от тротуара. Стекла тонированы полностью – даже, вопреки правилам дорожного движения, спереди и в передних боковых дверцах. Много из такой машины не увидишь, особенно при московском интенсивном движении.

Виктор Васильевич остановился рядом и включил презентованную ему «переговорку».

– Где здесь «серьезный человек»?

Опустилось стекло в водительской дверце.

– Заходи в машину, – растягивая слова, предложил Руслан с легкой усмешкой в голосе. Наигранная усмешка, рассчитанная на человека, который боится прослыть трусоватым больше, чем самой опасности.

– Мне в моей гораздо удобнее. Опустит заднее стекло.

Руслан опустил, показывая своих помощников.

– Кто говорить будет?

– Я!

– Садись ко мне в машину... – В дополнение к словам, Виктор Васильевич показал жестом, куда следует садиться.

– У тебя там такая дура сидит...

– Псина безопаснее твоих парней. Он, по крайней мере, умный.

Руслан посомневался несколько секунд. Он никак не ожи-

дал такого оборота, когда из хозяина положения он вдруг окажется в роли незащищенного противника. Потом оглянулся на помощников и неохотно покинул «Ленд Крузер». Но все же открыл дверцу «Короллы» и заглянул в салон. Ермак предупреждающе зарычал.

– Спокойно... Спокойно... Нельзя, – предупредил Виктор Васильевич и потрепал собаку по умному лбу. – Садись, – добавил, обращаясь уже к Руслану.

Тот осторожно занял место в машине. Кресло «Короллы» оказалось для него тесноватым после кресла «Ленд Крузера». Едва дверца захлопнулась, Евсеев тронулся с места, потому что сзади уже сигналили и просили освободить узкую дорогу. Но не остановился на первом же попавшемся свободном месте, как ожидал Руслан, а поехал дальше. И даже намерения остановиться не показал.

– Куда ты? – Голос у Руслана изменился.

– Покатаемся. Ты, главное, руками и плечами не шевели. Тогда собака не тронет. Начнешь суетиться, он тебя «поцелует», и половины головы не останется...

Руслан чуть заметно повернул голову на неповоротливой шее и сильно скосил глаза, пытаясь рассмотреть, что происходит у него за плечом. Картина его не сильно обрадовала. Рядом оказалась голова, превосходящая размерами его голову. О зубах, что проглядывали через подрагивающую от рычания губу, и думать не хотелось. И уж тем более не появилось мысли о попытке покинуть машину во время движения.

Впрочем, и во время остановок на светофорах – тоже...

– Мы уже четыре квартала проехали, – заметил Евсеев. – Ты что-то хотел сказать мне? Или память потерял?

Подполковник говорил жестко, хотя уже понял, что его не в ловушку заманивали, чтобы «вытрясти» из него семьдесят тысяч баксов. Если бы дело было в деньгах, то этот парень не сел бы к нему в машину. При своей комплекции борца и минимальных умственных способностях он, может быть, и попытался бы использовать свою силу против Евсеева, комплекцией никого не поражающего. Но против собаки даже он не рискнул бы. Репутация алабаев как защитников превосходит репутацию кавказских овчарок.

– Я хотел предложить тебе работу...

– Это интересно... – Виктор Васильевич сменил тон. – Пенсии мне на мои нужды хватает, но порой возникает необходимость в деньгах. Тогда я подрабатываю. Если ты ко мне обращаешься, значит, знаешь, что стоит моя работа дорого.

– Нам нужен спец.

– В какой области?

– По сейфам.

– Очень приятно. Будем разговаривать конкретно. Откуда информация?

– От Вагиза.

– Это мне неприятно. Вагиз мной торгует?

– Он хвастается.

– Ближе к истине. Есть за ним такой грешок... И что нужно

сделать?

– Хозяин скажет.

– Я понимаю, что не ты хозяин. И когда он мне скажет?

– Когда ты будешь готов к делу.

– Я готов всегда. Только я сначала рассматриваю вариант,

потом ставлю свои условия.

– Все условия обсудишь с хозяином.

– Когда? Едем сейчас?

– Он вернется в город к вечеру... Куда тебе позвонить?

Евсеев подумал несколько секунд, потом назвал номер своего мобильного.

– Я не запомню, – сознался Руслан.

– Запиши.

– Ты сам сказал, чтобы руками не шевелил.

– А-а, – засмеялся Виктор Васильевич.

Он и не предполагал, что его предупреждение будет воспринято настолько дословно.

– Скажи свой номер. Я позвоню, у тебя регистрируется звонок.

Руслан назвал номер. Виктор Васильевич на ходу достал трубку и быстрыми нажатиями, почти вслепую, набрал цифры. В кармане у Руслана заверещала дикая и громкая музыка, в которой рев боевых слонов смешался с грохотом там-тамов и ночным воем всегда голодных шакалов, в унисон с которыми раскатисто похохатывали бесстрашные гиены.

– Все в порядке. Я жду звонка... – Евсеев нажал кнопку

отбоя вызова. – Лучше, если сегодня же вечером.

– Сколько ты берешь за дело? – спросил Руслан.

– Это зависит от дела, – ответил подполковник. – Выходи. Твои парни тебя довезут... Ерема... Спокойно... Спокойно... Ему можно выйти.

Рука опять потрепала волкодава по лбу, прекращая грозное рычание.

Руслан начал выбираться из машины с осторожностью, но, едва нога ступила на асфальт, выскочил уже с небывалой для своего веса стремительностью.

2

Ваха собирался приехать в пятницу к вечеру. Он сам так сказал Анатолию в прошлый приезд. Тогда была среда. Значит, следует его ждать сегодня. Вообще-то в положении Анатолия не сложно и весь календарь перепутать, но Ваха сам говорил, что была среда. И было это позавчера. Приезд Вахи всегда казался если и не праздником, то хотя бы не обычным трудным днем. При нем, по крайней мере, братья Вахи не били без причины – просто так, от желания убедиться в собственной силе. Хотя силы в этих злобных кулаках чеченских подростков не было совсем, синяки и ссадины они все же оставляли, потому что иной раз удар заставлял пленника врасплох.

В первое время очень хотелось ответить этим гаденышам,

каждого из которых Анатолий мог бы первым ударом пополам переломить, а вторым попросту прикончить. Уж чему-чему, а умению бить его за полтора года службы в спецназе ГРУ научили. Но любой удар в ответ на издевательства прерывал всякую надежду на спасение, потому что в доме была пара автоматов, как успел увидеть Анатолий, и любому из троих подростков добраться до них было легче, чем ему на скованных цепями ногах. И тяжеленный амбарный замок на этих цепях висит. Килограммов, наверное, на восемь, а то и больше.

Но Анатолий поставил себе задачу, как ставил всегда и во всем – выжить и выбраться из плена. Он с самого детства, сколько себя помнил, был организованным человеком и всегда строил планы, которые стремился осуществить. И эта цель заставляла его теперь терпеть, она же заставила научиться смягчать удары при приеме. Не уклоняться от них, как он делал в первое время, потому что любой промах мерзких подростков только злил, а принимать с наименьшим для себя ущербом.

Ваха беспричинной агрессивности братьев не одобрял, не был ни злым, ни жестоким, он просто надеялся получить за Анатолия двести тысяч баксов. Он сам определил сумму, узнав, что его пленник жил с матерью в однокомнатной квартире в Москве. Даже расстроился сперва, что квартира только однокомнатная. Он хотел бы рассчитывать на большее. Тем не менее этого-то он упустить не пожелал. Посчи-

тал, что именно за такие деньги мать сможет продать квартиру. Именно из-за квартир пленники-москвичи и ценились чеченцами гораздо выше, чем пленники из других регионов. Но вот уже полгода прошло, а денег все нет. И Ваха начал нервничать, начал смотреть исподлобья. Хотя так он смотрел всегда. Но говорил обычно с надеждой на возможность договориться. Постепенно надежда ослабевала. Чем все это может закончиться, Анатолий предполагал, и решил активизировать свои силы, чтобы подготовиться к побегу. Кормили его совсем не как скотину, для которой, если был корм, его не жалели. Хлеб и вода – вот все, чем приходилось питаться. Иногда давали какую-то настолько разваренную крупу, что невозможно было определить, что это такое. Но и за это необходимо было много работать. Дом, двор, огород – все это всегда требует много внимания и заботы. И не только это... Хорошо, что до службы в армии Анатолий успел приобрести профессию. Закончил училище и почти полгода работал на стройке каменщиком. Правда, опыт каменщика у него был минимальный, тем не менее кладку делать ему приходилось, и здесь это ценилось. В самом доме Вахи никакого строительства не шло, хотя и планировалось со временем. Ваха с Анатолием даже советовался по поводу будущего строительства. Но уже сейчас оказалось выгодным сдавать строителя в аренду. Вот это, говоря честно, было настоящим праздником для пленника. В чужих домах, где ему выпадало работать, работника, по крайней мере, кормили почти хоро-

шо, потому что от слабосильного специалиста никакого толку не будет, а платить за аренду приходилось не по объему выполненной работы, а по дням. И чем быстрее каменщик свой труд закончит, тем меньше приходилось платить. Потому и кормили. Молодой бараниной, правда, и там не баловали, но уж в каше и в хлебе не отказывали. И удалось даже сухарей засушить на случай побега. И решать с побегом следовало быстрее, потому что пришла уже осень. За зиму можно и простыть, и попросту силы потерять, потому что зимой в здешних краях строительство не ведется и подкармливать будет некому. Но все же одновременно с собственными планами жила надежда, что мать сумеет найти или занять где-нибудь деньги. Была еще надежда и на третий вариант развития событий: пропавший солдат спецназа ГРУ – это не проходной эпизод. Анатолия наверняка ищут федеральные силы. Может быть, подключили и чеченскую милицию. На успех такого поиска полагаться было трудно, но надежда все-таки была...

* * *

Уже начало темнеть, когда Анатолий из своего подпола в сарае, куда его только-только закрыли, услышал шум двигателя машины Вахи.

Значит, сейчас его позовут в дом...

И Анатолий подошел к ветхой полугнилой лестнице, гля-

дя из темноты подпола в темноту люка, закрывающего выход. Тяжелый голос Вахи, резко отличающийся от голосов младших братьев, выделился сразу. Может быть, от природы у Вахи голос и иной, но у него прострелено навывлет горло, и это, должно быть, повлияло на голосовые связки. Отдельные бытовые слова на чеченском языке Анатолий уже выучил, но сейчас слов разобрать было невозможно.

Послышались шаги. Показалось, что шаги торопливые. Если торопятся, значит, есть новости. Так, по крайней мере, хотелось надеяться. Даже мысль промелькнула, что мать сумела набрать денег – и готовится обмен. Как ни странно, такая мысль не принесла облегчения. Если мать сумела продать квартиру, то им двоим и жить негде. За себя Анатолий не беспокоился. Он всегда устроится. А как ей быть, немолодой уже и не очень здоровой женщине?

Люк заскрипел визгливо, словно с издевкой над недавними мыслями пленника, и открылся.

– Быстро... Быстро... Давай-давай... – Это, кажется, единственные слова, которые знали младшие братья Вахи.

Анатолий, во избежание эксцессов, поднялся по лестнице в самом деле быстро. И сразу удивился, увидев в руках подростков черный мешок. Мешок, не мешкая, нацепили ему на голову и тут же очень постарались ударить его, невидящего, побольнее. Но он даже отшатываться и закрываться не стал, держался прямо, не шатаясь, позой показывая свое презрение к гаденышам. Гаденышей такое поведение разозлило

больше, и пленнику наверняка досталось бы основательней, если бы не раздался окрик вошедшего в сарай Вахи. Анатолия повели, придерживая под локти. Но и придерживали так, чтобы пальцы впивались в мышцы как можно больнее. Впереди шел сам Ваха, как понял Анатолий по звуку шагов. Направлялись, судя по всему, в сторону выхода из двора. Но у калитки, уже после того, как она скрипнула, открываясь, Ваха внезапно остановился, и Анатолий налетел на него. И, чтобы не упасть самому и не свалить своего пленителя, выставил вперед руку, ища опору. Опора нашлась. Судя по всему, это было плечо Вахи. Но это плечо, как почувствовали пальцы, покрывал маленький погон со звездочками.

Рука убралась автоматически. Но момент Анатолий зафиксировал четко и уже не сомневался, что Ваха носит форму. Какую – военную или милицейскую? Это, конечно, мимолетным касанием разобрать невозможно. Тем не менее факт дал пищу к размышлениям. Не трудно стало понять, что держат его не у боевиков, а, как и большинство других пленных, во вполне законопослушной внешне и в лояльной существующей власти семье. Это Анатолий уже давно предполагал. Не знал только, что его пленитель носит погоны. Следовательно – вовремя пришло предупреждение! – если бежать отсюда, то к чеченской милиции обращаться нельзя. А побег придется организовывать самому, потому что у милиции, естественно, больше возможностей спрятать пленника и даже «не найти» его при обыске. Все это отметало на-

дежду на освобождение, пришедшее со стороны. Впрочем, Анатолий не впал в отчаяние...

* * *

Ваха сказал что-то по-чеченски. Сказал едва слышно, настороженно, как нетрудно было уловить по его интонации. И слышались его удаляющиеся шаги. Должно быть, он осматривал улицу перед тем, как вывести пленника за калитку. Братья держали локти не крепко, но цепко, как клещи. Ступить вперед прежде, чем это будет необходимо, не позволяли.

Послышался шум двигателя. Ваха завел машину и подъехал вплотную к воротам. Теперь братья вытолкнули пленника за калитку. Щелкнул замок в дверце. Анатолия заталкивали на заднее сиденье высокого «уазика». Он давно уже знал, что Ваха подъезжает на «уазике». Видел над каменным забором металлическую крышу машины. Теперь подумалось – личная это машина или служебная? Если бы Ваха был военным, то крыша «уазика» была бы, скорее всего, брезентовая. А если и металлическая, то окрашенная в зеленый цвет. Но крыша была серой. Серые крыши бывают у милицейских машин. Может быть, он мент? Возможно. А какого звания? Анатолий попытался припомнить свои ощущения, когда коснулся погона. Нет. Ощущения были мимолетными, и ощупать звездочки не удалось. По крайней мере, они

маленькие. И, кажется, две звездочки были поперек погона. Значит, уже не прапорщик и не старший прапорщик. И еще была звездочка ближе к шее. Выходит, или старший лейтенант, или капитан... А это уже человек, в пределах района обладающий определенной информацией. И почему он так тайно увозит сейчас Анатолия? Ведь не делалось же в селе тайны из того, что в доме содержится пленник. Этого пленника даже в аренду сдавали тем, кто что-то строит... Значит, в село должны прибыть какие-то посторонние силы. Или милицейские, или армейские... Армейская информация едва ли стала бы доступной старшему лейтенанту или капитану. Значит, какую-то операцию проводит милиция... Но милиция, скорее всего, не местная, и Ваха опасается неприятностей...

Анатолий без напряжения просчитывал ситуацию. Милиция здесь может быть только чеченская. Попытаться сейчас вырваться – слишком опасно. Мало надежды на то, что найдешь поддержку. Ваха может и с республиканскими ментами договориться. И тогда уже следующего момента может не представиться.

«Уазик» поехал быстро. Ваха сидел за рулем, братья с двух сторон от Анатолия. И на переднем сиденье, кажется, еще один брат. И автомат они, наверное, захватить с собой не забыли. Впрочем, если Ваха мент, то у него при себе обязательно должно быть табельное оружие. Менты в Чечне в туалет не ходят без табельного оружия.

– Я с твоей матерью по телефону беседовал, – сказал Ваха,

так и не сняв с головы пленника мешок.

– Как она? Здорова? – Анатолий умышленно не показал своей заинтересованности в денежном вопросе.

– Она здорова. Ищет деньги. Нашла уже семьдесят тысяч... Ей твой бывший комбат помогает. Он деньги и принес. И еще обещает...

– Подполковник найдет, – отчего-то очень уверенно сказал Анатолий.

– Комбат тебе в помощь, – сказал Ваха так, словно подразумевал: «Бог тебе в помощь...»

– Подполковник поможет, – упрямо повторил пленник...

3

Руслан не долго стоял на улице с раскрытым, словно он для ворон ловушку приготовил, ртом. Рядом остановилась одна из задействованных им на сегодня для слежения машин, и открылась дверца.

– Садись... Спишь, что ли?

Руслан сел и головой помотал.

– Ты знаешь, что змеи свои жертвы гипнотизируют? – спросил у Мусы, своего односельчанина и друга детства.

– Удавы... Обезьян... Читал когда-то... – Муса из всех людей Руслана был самым скромным и самым грамотным. Даже два года в университете проучился, пока не посадили за распространение «травки».

– Вот-вот... А собаки людей... Гипнотизируют?

– Собака его тебя напугала?

– Она мне в затылок дышала, и я все думал: если «поцелует», прокусит череп или нет?.. В затылок дышала, смотрела и меня гипнотизировала... Пошевелиться, честное слово, не мог, как лягушка перед удавом. Ну и пес... Ну и подполковник...

– Напугался?

– Всегда думал, что ничего уже не боюсь. А тут... Ни рукой, ни ногой... Даже глаза болят.

Муса развернулся на узкой улице. Посмотрел на Руслана.

– Ты что-то косить стал.

– Под кого?

– Не под кого. А – глазами...

– А-а... Через плечо посмотреть хочется.

Он еще раз потряс головой, словно наваждение сгоняя.

– Ладно... Одно дело с плеч свалили. Кажется, успешно, и Алиахмет Нурович будет доволен. Пора браться за второе. Там тоже важно чего-то уже сегодня добиться. К приезду хозяина... – Он включил «переговорку». – Всем... Собираемся к моей машине.

– Мою «переговорку» взял? – спросил Муса.

Руслан посмотрел непонимающе.

– У подполковника осталась? Не взял?

– Не до того было... Он тебе ее сам привезет.

– А сейчас наши разговоры будет слушать.

– Подполковник, – позвал Руслан в «переговорку».

– Слушаю тебя, – отозвался Евсеев, и в самом деле слушающий разговор. Но, если отозвался, значит, не видит в этом разговоре особого интереса. Иначе промолчал бы и слушал дальше.

– «Трубку» надо бы вернуть.

– При встрече. Мы же еще встретимся?

– Надеюсь. Только ты на следующую встречу без собаки приходи.

– Это будет зависеть от обстоятельств. Обещать не могу. Жду звонка твоего хозяина. Как его, кстати, зовут?

– Он сам представится.

Руслан махнул рукой, показывая Мусе, чтобы тот ехал быстрее, пока дорога позволяет...

* * *

Большой внедорожник «Тойота Ленд Крузер» так и стоял, забравшись колесами на высокий бордюр, и похожий на памятник самому себе. И даже передняя дверца не была закрыта с тех пор, как Руслан из своей машины вышел. Когда подъехали Руслан с Мусой, вся группа была уже в сборе и столпилась у машины.

– Кто у нас с этим козлом работает? Из Минприроды... С Холмогоровым? – устраиваясь на свое законное место, сразу спросил уже пришедший в себя Руслан. Он даже косить че-

рез плечо почти перестал.

– Арби. Он с собой троих взял. «Водит» его...

Арби человек надежный, и даже слишком. Что «слишком» – это только одному Руслану понятно. Слишком хорошо и быстро думает, слишком хорошо просчитывает, слишком удачлив и, самое главное, слишком любит Алиахмету Нуровичу рассказать о том, что он придумал и сделал. Это Руслану не нравится, потому что, похоже, Арби считает себя несправедливо обиженным в распределении постов и неохотно принимает приказания, идущие напрямую от Руслана.

– От кабинета до туалета, что ли? – недовольно проворчал Руслан. – Зачем ему трое?

– Позвони ему сам. Скажет...

Позвонить не долго. Так и так надо звонить. Руслан вытащил трубку мобильного. Хотел набрать номер, но вовремя остановился.

– «Переговорки» выключили? – переспросил всех, стоящих вокруг его «Ленд Крузера».

Щелкнули сразу несколько выключателей. Теперь подполковник ничего не услышит из того, что ему слышать не полагается. Только после этого Руслан набрал номер. Арби ответил сразу, словно звонка ждал.

– Ты где? – спросил Руслан, показывая голосом свое недовольство.

– Работаем по этому типу, – Арби на рожон не лез и от-

вечал спокойно, без амбиций.

– Много наработали? – Руслану же, наоборот, хотелось вывести Арби из себя и заставить понервничать. Но сделать это можно было только тоном, не вступая в откровенное противоборство, чтобы не уронить свой авторитет.

– Есть хорошие мысли... Отрабатываем главную.

– Подскажи.

– У него сын есть, студент... Единственный сын – надежда на старость.

– Понял. Хороший вариант, – вынужденно согласился Руслан. – Что за парень?

– Смазливый... Балованный... На своей машине катается, девок возит... Папа с мамой в нем души не чают, денег на него не жалеют.

Арби в самом деле подобрал подходящий вариант.

– Я понял... Присоединяемся к тебе. Где встречаемся?

– Надо место найти, где мальчику отдохнуть... Я уже трубку достал, тебе позвонить.

– Дача Алиахмета Нуровича ему понравится. Я сейчас Алиахмету позвоню.

– Хорошо... Потом подъезжай к «Макдоналдсу». Метро «Фрунзенская». Знаешь там...

– Знаю.

– Мы чуть дальше стоим. Если переедем куда, я сообщу.

Руслан сразу же набрал номер Алиахмета Нуровича. Тот тоже ответил быстро.

– Что хочешь, Руслан? – спросил неприлично добро. Наверное, рядом был кто-то, перед кем хотелось показаться добрым и отзывчивым. Алиахмет Нурович любит «рисовать» собственное поведение в зависимости от того, с кем общается. Сам он говорит, что в разных ситуациях бывает разным человеком, но Руслан хорошо знает, что хозяин всегда остается прежним.

– Ты уже в дороге? – сразу спросил Руслан.

– Да, к Москве подъезжаем... Трудно на город после природы смотреть. Угнетает. Теперь неделю буду от этой суеты устывать.

Точно, понял Руслан, кто-то посторонний у него в машине. Скорее всего, женщина. Перед ней и ломается, строит из себя совсем иного человека, чем есть в жизни. Одновременно и понять дает, что не все следует говорить открытым текстом.

– Я вечером дам тебе номер, поговоришь с тем подполковником. Он, кажется, на работу согласен. Что делать, конечно, не знает.

– Что делать или где делать? – переспросил Алиахмет Нурович.

– Где делать, – поправился Руслан. – Но я и по другому поводу звоню... Нам место надо, чтобы пареньку отдых обеспечить. Со всеми удобствами... Хорошо бы у тебя на даче. И далеко, и не так далеко...

– Что за паренек?

Просто удивляешься, откуда у такого жесткого человека, как Алиахмет Нурович, может быть такой добрый сердечный голос.

– Сын того мужика, с которым я договориться должен.

– Я понял. Пусть отдохнет... Там пара моих ребят еще задержалась... Я им позволю, чтоб встретили и отдых обеспечили. Кто с пареньком сейчас?

– Я Арби послал. Он толковый.

Это Руслан давно уже знает: лучший способ обезопасить себя от происков противника – это противника похвалить в глазах хозяина. Но так похвалить, чтобы и себя в тени не оставить. Получилось неназойливо и естественно.

– Хорошо, Руслан. Я жду тебя самого в офисе часов в восемь.

– Буду.

Вот теперь все в порядке. Можно работать и по пареньку. Сделать в один день два таких сложных и в то же время спешных дела – это большая удача. Может быть, даже большое мастерство.

– Едем, – распорядился Руслан. – Арби без нас не справится...

Глава 3

1

Во дворе Виктор Васильевич привычно поставил машину в «ракушку» и только после этого прицепил к ошейнику Ермака плетеный кожаный поводок. Отпускать собаку во дворе, через который проходит так много посторонних людей, просто рискованно, и дело здесь вовсе не в суровости характера алабая, а скорее в характере людей. Они такую большую собаку боятся. От страха организм выделяет адреналин, запах которого остро чувствует любое животное. Но тот же самый адреналин выделяется и при агрессии. И собака реагирует на страх точно так же, как на агрессию. Поэтому бедному красавцу Ереме, к его великому сожалению, удавалось вдосталь побегать только при поездках за город. В городе же только на огороженной собачьей площадке, где и разбежаться толком негде.

На собачью площадку Виктор Васильевич и отправился в первую очередь. После поездки в машине любой собаке, а такой огромной тем более, необходимо восстановить собственный вестибулярный аппарат. Там уже гуляла сучка добермана-пинчера Джерри из третьего подъезда, капризное и избалованное создание, с которой Ермак не очень дружил. Но за

неимением менее прихотливых подруг, которые не боятся, несмотря на его вес, побегать рядом и потолкаться, немножко поиграл с Джерри. Но большому псу быстро надоели визг и лязганье зубов после любого соприкосновения, и он предпочел побегать вокруг хозяина. Такая игра доставляла ему больше удовольствия.

Здесь, на собачьей площадке, подполковника Евсева и застал телефонный звонок жены. Именно ее номер высветил определитель.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – бодро поприветствовал Виктор Васильевич свою половину. – Чем могу служить?

Жена была полковником милиции, ведала в управлении внутренних дел административного округа надзором и потому командовать мужем-подполковником не стремилась. Впрочем, как и надзирать за ним.

– Вольно, товарищ подполковник... Отслужить чем-нибудь придется, но пока я служу твоим интересам. Я тут разговаривала сегодня с одним темным бизнесменом-чеченцем. Он по моей службе проходит, и к самой Чечне отношения практически не имеет. Но бизнесмен богатый и криминальный... Я объяснила ему ситуацию, он мягко назвал ее ментовским рэкетом, но согласился выделить десять тысяч на твое дело.

– Ты рискуешь, – не одобрил Виктор Васильевич активность жены. – Он сейчас просто обратится в службу внут-

ренной безопасности, и при передаче денег тебя схватят за руки...

– Не схватят... Он просто достал из кармана пачку в банковской упаковке, предупредил, что деньги не фальшивые, и положил мне на стол. Если бы хотел мне зла, то пообещал бы принести позже. Но он, кажется, мне поверил.

– Хочется надеяться, что ты меня обрадовала. – Виктор Васильевич подозвал Ерему шлепком по бедру, потому что на площадку привели еще одну собаку – мелкое скандальное и задиристое создание, объединившее в себе несколько пород различных терьеров. Этот самовлюбленный истеричный песик порой пытался затеять драку с алабаем, который способен его пополам перекусить и этого не заметить, и когда-нибудь терпение Ермака могло кончиться, как понимал Виктор Васильевич. И потому предпочитал в обществе таких собак не отпускать своего любимца. – Домой когда приедешь?

– Сегодня не задержусь. Дома будешь?

– Мне должны позвонить. Предложили сегодня работу... Как обычно... Но условия будем обговаривать, когда приедет хозяин. Он мне позвонит. Могу отлучиться. Если задержусь, позвоню тебе.

– Не нравится мне твое «как обычно». Против меня, между прочим, работаешь... Потому что все твои ученики практически по моим спискам надзора проходят. У каждого за плечами какой-то срок...

«Как обычно» в изложении Виктора Васильевича было изобретено специально для жены, которая, конечно же, не одобрила бы его способ заработка, а в легенде все выглядело просто – кто-то имеет под рукой крепких парней и желает, чтобы такой известный специалист по рукопашному бою, как отставной командир батальона спецназа ГРУ, поднатаскал ребят по полной жесткой программе. Такая натаска обязательно, как объяснил Виктор Васильевич, должна проходить в полевых условиях. Снимают какой-то лагерь или базу отдыха, и там проводят занятия. Бывало, что это занимало день, бывало, что и два-три дня...

– Иначе я зарабатывать не умею. Не открывать же мне персональную войну с целью наживы. Моя профессия – воевать... А там, по крайней мере, деньги платят. Кстати, не реже я обучаю и мальчишек из патриотических организаций.

– Скинов?

– Нет. Просто мальчишек из патриотических клубов. Из военно-спортивных клубов.

– Мало разницы.

– Много разницы. Этим мальчишкам скоро в армию идти, и идти они должны подготовленными... Плохо только, что за такую подготовку платят мало. И я вынужден искать другой приработок.

Это была почти правда, поскольку жена даже не знала, что Виктор Васильевич бесплатно в течение полутора недель нынешним летом тренировал в военно-спортивном лагере зав-

трашных призывников. И не просто тренировал, а рассказывал им об армии, которую каждая газета стремится с грязью смешать.

– Тем не менее...

– Где я еще могу взять такие большие деньги? Не воровать же мне.

– Ну, хорошо, звони, если что...

– Спасибо тебе. Я сейчас сразу Анне Ярославне позвоню, сообщу...

* * *

Жена, как это часто бывает, вопреки ее обещаниям задержалась на работе. Виктору Васильевичу же позвонили в начале девятого. Номер оказался незнакомым, и он мысленно дважды повторил его, читая с мониторчика трубки, чтобы оставить в памяти. И только после этого ответил.

– Слушаю, Евсеев...

– Добрый вечер, Виктор Васильевич... – И «зазвучала» пауза, выделенная противоположной стороне на приличествующую случаю встречную вежливость.

– Добрый вечер. – Евсеев паузу оценил, но ответил весьма сдержанно.

– Меня зовут Алиахмет Нурович. С вами по моей просьбе сегодня встречался Руслан... И, кажется, вы договорились о собеседовании со мной.

– Был у нас разговор, – согласился подполковник. – Может быть, его и зовут Руслан, я не поинтересовался... Что вы предлагаете? Побеседовать по телефону или встретиться?

– Естественно, встретиться.

– Хорошо. Где и когда?

– Сейчас.

– Вы не ответили на первый вопрос...

– Куда подослать за вами машину?

– Я привык ездить на собственной... – Они, как, впрочем, и Вагиз, не знают его адрес, не знают и домашний телефон. Благодаря должности жены, эта информация закрыта. И хорошо, что так. Неизвестно, как может обернуться дело, неизвестно, какие сюрпризы готовы устроить ему криминальные связи. Поэтому к дому никого из подобных знакомых лучше не подпускать. Виктор Васильевич давно подобную ситуацию продумал и неуклонно придерживался выбранной тактики.

– Руслан вашу машину знает. Вы знаете его машину. Подъезжайте туда, где вы его высадили сегодня. Он будет там стоять. И поезжайте за ним. Это недалеко...

– Хорошо. Дороги сейчас загружены. Буду только минут через сорок.

– Дороги сейчас почти свободны.

– В моих краях загружены.

– Я жду вас, Виктор Васильевич...

Евсеев отключил трубку, на всякий случай записал номер

телефона Алиахмета Нуровича на бумажке и бумажку оставил на видном месте на своем письменном столе. Обычно жена не трогает то, что лежит у него на столе. Но – мало ли... На случай, если он не позвонит ей.

Потом переложил в тайник под подоконником семьдесят тысяч долларов. Жена этот тайник знает и добавит десять тысяч сюда же.

– Ерема, едем...

* * *

– Мне рассказывал о вас Вагиз...

Виктор Васильевич сидел в низком кресле рядом с журнальным столиком, а сам Алиахмет Нурович прогуливался по кабинету, откровенно любуясь своей походкой и гибкой тренированной статью. Внешне подполковник проигрывал физически и хозяину кабинета, и мощной глыбе тела бывшего борца Руслана, но совсем не был уверен, что эти два человека смогут справиться с ним в рукопашной схватке. И потому статью Алиахмета Нуровича не любовался, зная, как легко ломается такая статья и расплывается в бесформенную массу всего-то с пары точных акцентированных ударов.

– Это он делал напрасно, я предупреждал его, кстати... – Подполковник выразил откровенное недовольство. – Мне такая реклама не нужна...

– Вы в каких отношениях с Вагизом? – напрямую спросил

Алиахмет Нурович.

– Ни в каких... Я иногда откликаюсь на его просьбы.

– То есть вы не входите в число его близких друзей?

– Нет, не вхожу.

– Но сегодня вы к нему ездили.

– К чему эти вопросы? – прервал разговор Виктор Васильевич. – Это преамбула или просто болтовня, предшествующая основному разговору?

– Будем считать, что это преамбула.

– Да, я сегодня ездил к нему с вопросом о работе. Сразу признаюсь, что мне нужна работа. То есть мне нужны деньги, большие деньги, и срочно, и я намеревался обсудить с Вагизом этот вопрос. Среди моих знакомых нет людей, которые могли бы располагать такими деньгами, как Вагиз, и я вынужден был обратиться к нему.

– И что он вам ответил?

– Я не застал его.

– Утром я звонил ему. Он был в офисе...

– Значит, потом уехал. Я не обговаривал встречу заранее.

– Это неважно. Я хочу предложить вам работу по тому же профилю, по которому вас использовал Вагиз. Сколько вы берете за одноразовую работу?

– Это зависит от сложности работы. Но я всегда ставлю неизменные условия, и Вагиз с этими условиями был согласен.

– Я слушаю...

– Во-первых. Никакой мокрухи... Я не желаю брать на себя лишнее в своей же стране.

– Это сложно, но это выполнимо.

– Во-вторых, я принципиально не работаю против государственных органов. Любых государственных, даже самого мелкого уровня. Я слишком много лет и сил отдал сохранению государства, чтобы сейчас работать против него. Если вас это устраивает, перейдем к конкретике...

– Это меня устраивает. – Алияхмет Нурович даже усмехнулся. – Что касается конкретики... Пожалуйста...

Виктор Васильевич посмотрел прямо в глаза «заказчику», понимая, что длительная пауза призвана, чтобы оценить то, что будет сказано потом.

– Что вы скажете относительно знаменитого сейфа Вагиза?

– Сейф как сейф, – никак не показал своей реакции Виктор Васильевич. – Сложный, да, но можно справиться...

Перед его глазами в этот момент промелькнула картина, которую пришлось наблюдать в тот момент, когда сам Вагиз, показывая сейф, распахнул дверцу. Пачки долларов занимали там почти целую полку. Этого хватило бы на то, чтобы трижды выкупить из плена рядового Юденича. И потом, когда Вагиз расплачивался с Евсеевым за работу, он каждый раз открывал этот же сейф, словно показывал, что доллары у него не кончаются. Похвастаться Вагиз любит...

– Если можно справиться, то будем обговаривать условия.

Итак...

Договорить Алиахмету Нуровичу не дал звонок мобильного.

– Я слушаю. Понял. Как прошло? Да... Я уже предупредил. Везите его туда. Я сам скоро приеду... Вместе с Русланом. И сразу позвоните Холмогорову...

Алиахмет Нурович убрал трубку в чехол и посмотрел на Руслана:

– Арби с делом справился. Дальнейшее уже на тебе лежит, сам будешь с тем мужиком договариваться.

– Я договорюсь, – пообещал Руслан.

Алиахмет Нурович повернулся к подполковнику, чтобы продолжить разговор...

2

Арби чувствовал себя стопроцентным охотником, умным, многоопытным, все предусмотревшим. Стопроцентный – это когда у тебя в руках оружие, а у твоей жертвы оружия нет, и она ничего не сумеет против тебя предпринять. В самом-то деле, что может этот сосунок, студентик, сделать против вооруженных и опытных парней, которых взял с собой Арби. Ничего не сможет. Он даже и пикнуть не посмеет. По рылу, по рыхлому взгляду видно, что даже сопротивления не окажется. А если и окажется, то сломать такое сопротивление проще простого.

Московский мальчик из хорошей семьи – так это называется, розовощекий, до безобразия избалованный, не знающий никогда и ни в чем отказа... Откормлен лучшими продуктами, наверное, и от черной икры порой отворачивается. И привык, что все важные дела за него решает папа...

Вот пусть папа и решит его дела в очередной раз. Это вполне по силам такому папе...

Арби невольно сравнивал этого Гошу Холмогорова со своими братьями, оставшимися в далеком горном селе. Всегда голодные, всегда готовые рискнуть ради того, чтобы что-то добыть для себя или для семьи. Вырастут настоящими мужчинами. Такими мужчинами, которые будут брать, не спрашивая, считая своим все, до чего дотянется рука. Настоящие горцы и абреки, не чета московским убудкам, которые способны только на то, чтобы бабушек в трамвай подсаживать. Да и то лишь в случае, если в трамвае ездят. Такие же, как Гоша, трамваем, наверное, в жизни не пользовались... Папина машина... Своя машина, как только права папа купил... И ни разу парень не приложил собственных сил, чтобы добиться чего-то в жизни. Ну, может быть, от силы в школе и в институте потом зубрил что-то... Это, по понятиям горца, не есть приложение сил...

Гоша подъехал к этому дому уже минут десять назад. Позвонил по мобиле, как хорошо видел Арби в бинокль. Хоть стекла в машине и тонированы, но даже в осеннем сумраке и при свете дворового фонаря, под которым Гоша машину по-

ставил, видно было, как он звонил. Но в дом не поднимался. Днем он сюда же завозил подружку. Поэтому Арби сделал законный вывод – сейчас ее ждет. Долго же та собирается! Что за отношения! Арби давно бы научил свою подружку собираться быстрее. Не положено мужчине так долго ждать...

– Может, здесь сработаем? – предложил Муса.

– У всех на глазах, – проворчал Арби. – На своих машинах... Лучше не светиться...

– А что ждать? Кто что поймет? Подъехали, поговорили, пересел парень в другую машину, и нет его... Ты же автомат выставлять не будешь. А больше бояться нечего...

Слово «бояться» подействовало на него, как удар серьезного кулака. Больше всего на свете Арби боялся прослыть трусом. Сам он знал хорошо, что в душе всегда боится последствий. Но еще больше он боялся, что о его боязни узнают другие. Потому, наверное, и был всегда самым агрессивным, чтобы свой характер показать. Тот характер, о котором он мечтал для себя, а не тот, который в действительности достался ему по рождению...

Арби пожал плечами, словно подумал всего-то пару секунд, потом решительно снял с плеча ремень безопасности. Он один из всех в группе пользовался ремнем безопасности. После того как однажды чудом остался в живых после основательного переворота машины, всегда стал пристегиваться. И это было сильнее даже его желания всегда показывать свою храбрость...

– Может, ты и прав... Пусть те стесняются, кто боится. Алиахмет Нурович ждет результата, а не наших страхов... Пойдем вдвоем к его дверце... – Арби поднял переговорное устройство. – Еще двое заходят с другой стороны, но в машину не соваться. Просто рядом остановитесь, для устрашения. Все пойдет нормально, возвращаетесь спокойно, без суеты... И сразу едете за нами...

Затвор пистолета он все же передернул. Хотя понимал, что у мальчишки пистолета быть не может. От силы газовый или травматический, но с таким против «чезетты»⁴ не попрешь. Тем не менее с подготовленным оружием чувствуешь себя всегда увереннее.

Арби вышел из машины первым. За ним, задержавшись на пару секунд, чтобы, как и напарник, подготовить оружие, пошел Муса.

Гоша, конечно же, ничего не подозревал. Откуда ему вообще было знать, что его отец не пожелал в этот раз взять большую взятку – хотя бы на бензин сыну. И что этот отказ может как-то грозить ему лично. И когда Арби постучал костяшками пальцев по стеклу, Гоша с удовольствием открыл дверцу. Такого даже Арби не ожидал, потому что обычно стекло в машине опускают, а дверцу перед посторонними, особенно с внешностью типичной, стараются не открывать. Муса среагировал первым и коленкой дверцу распахнул полностью.

---

⁴ «Чезетта» – «ЧЗ», пистолет чешского производства.

– Смотри сюда, мальчик, – сказал Арби, оттопыривая карман стволом пистолета. – Попробуешь крикнуть, пуля твоя.

Румяные даже в вечернем сумраке щеки не побледнели, но глаза готовы были вылезти из орбит. Гоша перепугался.

– Что вам...

Муса не дал ему договорить и объяснил все предельно ясно:

– Ты...

Арби оказался более красноречивым:

– Ты пойдешь с нами. Не вздумай устраивать цирк. Стреляем сразу... Выходи из машины. Ключи возьми с собой. Машину закрой.

Гоша повиновался беспрекословно. Испуг так и не ушел с его лица.

– Вперед...

– Туда, через газон... По травке, по травке...

Его даже под руки не взяли. Со стороны посмотреть, парень сам идет и за собой остальных ведет. Никто ничего заподозрить не может. А лицо разобрать издали невозможно. Не то время суток.

– В машину садись... И не дрожи так, и без тебя прохладно...

* * *

– Мальчик, учти... Как тебя зовут-то, Гоша?

Голос у Арби гибкий, вьедливый. Голос уверенного в себе, если не самоуверенного человека. Обладатели такого голоса любят показывать, как они ситуацией управляют.

– Гоша...

А этот голос, словно в противовес, испуганно-растерянный. Впрочем, есть отчего растеряться. Не каждый день тебя похищают.

– А по-нормальному как? Гоша – это по-детски. Как по-нормальному?..

– Георгий...

– Имя-то какое хорошее... Не подходит оно тебе. Георгий обязан быть воином. Все Георгии, которых я знал и знаю, были воинами. Хотя бы по характеру... Ладно, оставайся пока Гошей, так с тобой спокойнее. Так вот, Гоша, учти на ближайшее будущее... Если вдруг нас остановят на дороге... Мало ли – менты, ОМОН... Вести ты себя должен красиво, с доброй улыбочкой и без выкрутасов... Потому что нам уже, вбей это себе в голову, терять нечего. За похищение людей, сам понимаешь, ничего хорошего не бывает. И только вякнешь, пуля будет твоя...

Дорога за город тянулась бесконечно долго. Казалось, вся Москва стремится покинуть городские кварталы. Начал моросить дождь, делая дорогу скользкой и блестящей.

– Раздражает меня эта суета вокруг, – пожаловался Арби, заметно нервничая, когда пришлось в очередной раз остановиться.

– А ты не раздражайся, – Муса сохранял невозмутимость.

Чуть дальше поток машин рассосался. Ехать стало легче, и можно было надавить на акселератор. Арби делал это с удовольствием.

– Не гони, – подсказал Муса. – Гибоны скоро...

Но пост ГИБДД миновали благополучно. Рядом с постом стояло так много машин, что ментам просто некуда было уже дополнительные ставить. Так и проехали, не превышая скорости, спокойно мимо. Правда, чуть дальше стояла другая машина с гибонами. Эти с каким-то дальнобойщиком отношения выясняли. И их благополучно миновали. Теперь можно было ехать спокойно, и Арби надавил на акселератор. Стремясь поскорее добраться до поворота с основной дороги, где движение вообще будет минимальным и мало риска кого-то встретить...

Через час они к этому повороту подъехали. И в это время по мобильному Мусе позвонил Руслан. Дал указания, продиктовал номер телефона. Муса повторил, и Арби заметил, как беспокойно зашевелился пленник.

– Хочешь с папочкой пообщаться? – спросил Муса.

– Если можно... – аккуратно ответил Гоша. Так аккуратно, словно боялся, что этот разговор может принести ему какие-то неприятности. Впрочем, он понимал, должно быть, прекрасно, какие неприятности может принести этот разговор и ему, и отцу.

Муса набрал номер.

– Владилен Викторович... Как ваше распрекрасное настроение? Не понимаете? Сейчас вам любимый ваш сынок кое-что скажет, может быть, тогда поймете...

И протянул трубку Гоше.

– Папа... – Голос Гоши был тих и неуверен. – Тут какие-то люди... Они наставили на меня пистолеты и увозят куда-то... Я не знаю... Вот... Трубку берет...

– Поняли ситуацию, Владилен Викторович? Прошу оценить нашу вежливость и уважение к вашей персоне... Пока с вашим сыном ничего не случилось. Но случиться может... О каких суммах вы говорите? Никакого выкупа. Нет... Просто вам следует быть более сговорчивым в некоторых вопросах... И Гоша к вам вернется целым и невредимым. Просто свежим воздухом подышит и вернется... К вам обратятся, и вы поможете... Что касается возможного обращения к ментам, то сами понимаете, чем это может вам грозить. И вам, и вашему сыну. Я вас понимаю... Нет, с мамой Гоша говорить не желает. Как настоящий мужчина, он о делах разговаривает только с отцом... Все... Прекратили прения. Завтра вас навестят, и вы сделаете все, что положено. Сразу после оформления документов Гоша поедет в Москву. Я прощаюсь, Владилен Викторович...

Муса отключился от разговора и сразу стал набирать номер Руслана.

Тот не отвечал долго. Должно быть, трубка была под одеждой. Наконец ответил:

– Слушаю...

– Руслан... Папа созрел, мне кажется... Можешь сам позвонить ему и напомнить.

– Сильно напуган?

– Пока только слегка. Он еще не осознал всего. Когда осознает, тогда и испугается.

– Вот тогда и буду звонить...

3

Анатолий уже знал, что когда на голове мешок, время меняет свою скорость. Его в село привозили с мешком на голове, чтобы не знал, куда едут, чтобы ни один дорожный указатель на глаза не попался. Потом с мешком же возили на работу, а вечером назад отвозили. И сейчас то же самое.

Но это, когда едешь... Когда стоишь, время опять иначе течет. Может быть, еще медленнее. Ему показалось, что прошло уже несколько часов с тех пор, как Ваха рассказал о звонке к матери. По крайней мере, так думать позволял и спокойный храп самого Вахи, раздающийся с водительского сиденья. И неизвестно было, сколько предстоит так вот в темноте сидеть. Это изматывало больше, чем обычное и уже привычное проживание в сыром подвале. Даже заснуть с мешком на голове было проблематично. Анатолий пытался, но не получилось. Но Ваха наконец-то проснулся и сказал:

– Час прошел. Минут через десять можем возвращаться...

– Лучше переждать, – посоветовал старший из младших братьев, который русским языком более-менее владел. – Когда еще все дворы обойдут.

– Уже обошли, – сказал Ваха.

Оставшиеся десять минут тянулись кошмарно долго. Благодаря мешку на голове время опять пошло совсем не так, как идет привычно, и Анатолию подумалось, что Ваха прислушался к совету младшего брата. Но Ваха, оказалось, остался при своем мнении:

– Все... Десять минут прошло. Едем.

Двигатель опять тяжело заурчал, работая на низких оборотах, машина, судя по маневрам, разворачивалась. Анатолий так и не понял, почему Ваха с братом разговаривают не привычно по-чеченски, а по-русски. Это походило на приглашение к разговору его, пленника. И потому он решился задать вопрос. Вахе можно было задавать вопросы. Это его братья от каждого вопроса приходили в тупую ярость.

– Зачем мы уезжали?

– Чтобы тебя не нашли, – предупредил Ваха. – Федералы проверку паспортного режима устроили... Меня, учти, всегда предупреждают, когда такое случается. Предупредили и сейчас... Ты же сам знаешь, наверное, наш народ. Мы всегда друг друга поддерживаем... Вот ты, например, соберешься сбежать от нас. Далеко, думаешь, убежишь? Тебя любой камень в горах сдаст. Потому что это наши камни. Любой ручей покажет, куда ты пошел. Потому что это наши ручьи. И

все здесь наше...

Урок преподали, понял Анатолий. И Ваха специально говорил по-русски, чтобы пригласить к разговору своего пленника. Пригласить к разговору и объяснить ему, что всякие попытки к бегству не принесут ничего, кроме страданий. Но почему он этот разговор затеял? Заметил приготовления Анатолия? Не-ет, не может такого быть... Ваха слишком прямолинеен, чтобы скрыть подобное открытие. Если бы заметил, сказал бы обязательно, а его братцы уж позверствовали бы от всей души – и рукам, и ногам бы волю дали. Да и приготовлений-то особых у Анатолия нет. Запас пищи – это же не обязательно для побега, это просто на черный день, когда все строительство кончится и кормить так уже не будут...

Нет... Скорее всего, просто предупреждает, чтобы мыслей не зародилось...

Тряская дорога утомляла, потому что вынужденная слепота мешала телу собраться и сопротивляться встряхиваниям. По бокам от Анатолия сидели самые младшие братья. Оба они худосочные. Трое взрослых мужчин сидят в машине всегда плотно. И друг друга прижимают плечами, поддерживают. Эти даже отодвинулись. Чтобы трясло не так сильно, Анатолий руками в сиденье уперся. И что-то нечаянно нащупал левой ладонью – металлический предмет. Он осторожно, едва-едва перебирая пальцами, прощупал его тщательнее и понял, что это ключ. Должно быть, вывалился из кармана одного из младших братьев. Пальцы сразу же сжа-

лись. Операться на сиденье можно и кулаком и не показывать при этом, что держишь что-то.

Так и выехали на дорогу более ровную, и начался подъем, при котором двигатель «уазика» заурчал надсадно. Значит, подъезжают к селу. Совсем недалеко осталось, потому что по этой же дороге недавно спускались быстро. Анатолий уже научился и с мешком на голове ориентироваться. Он хорошо видел эту дорогу уже много раз. Сверху, оттуда, из двора и с единственной сельской улицы, на которую ворота выходят. И сейчас представлял себе картину зримо.

Потом машина остановилась. Сидели молча. Ждали чего-то. Чего ждут, с мешком на голове понять невозможно.

– Ушли... Дальше двинули, – сказал Ваха, и что-то глухо звякнуло.

Нетрудно было догадаться, что Ваха положил бинокль. Машина снова двинулась. Дорога выровнялась, подъем стал почти незаметным, и ехать можно было быстрее. Но быстрее ехать уже некуда, потому что дорога выравнивается только перед самым въездом в село.

Анатолий просчитал, как оказалось, правильно. Три минуты прошло, и взвизгнули тормоза. Из машины вышел тот из младших братьев, что сидел слева. Но через несколько секунд вернулся. Разговор шел на чеченском, на повышенных тонах. Спорили самые младшие братья, которые сидели на заднем сиденье рядом с Анатолием. Потом первый ушел в дом и вернулся не сразу. Заскрипели ворота. Анатолий по-

нял, что спор произошел из-за ключа. Значит, у него в руке оказался ключ от ворот. Нужен ли он? Анатолий представил большой замок, что вешается на ворота изнутри. И сразу вспомнил свой замок, что сковывает цепи у него на ногах. Замки похожие. С ключом можно поработать и подогнать его так, чтобы он смог открыть замок на цепи. Значит, находка ценная.

Анатолия вывели, не снимая с головы мешка, и сразу отравили в сарай.

Во дворе слышался и голос матери, и сестер, которые что-то рассказывали, перебивая друг друга. Должно быть, с проверкой паспортного режима заглядывали и сюда. И рассказать сестрам есть что. Зачистки, что проводились несколько лет назад, даже Анатолий уже не застал. Он пришел в армию позже и о зачистках только слышал. Во время зачисток проводились и обыски. И тогда могли бы обнаружить его подвал, могли бы обнаружить в доме и оружие. Могли бы возникнуть вопросы, ответить на которые вразумительно Ваха не сможет. Сейчас обыски проводятся только по чьей-то наводке. В этот раз наводки, похоже, не было, и потому все для семьи обошлось благополучно.

– Быстро-быстро... Давай-давай... – Традиционной фразой Анатолия загоняли на лестницу, но мешок сняли только тогда, когда он уже готов был скрыться внизу. Бить, как ни странно, в этот раз не стали. Должно быть, очень спешили услышать, что сестры с матерью расскажут.

И люк над головой захлопнулся...

* * *

Спускаясь по лестнице, Анатолий не сжимал кулак, в котором держал ключ, чтобы на этот кулак внимания не обратили. Ключ же между пальцами зажал, чтобы не уронить ненароком. Не уронил. Люк захлопнулся. Кажется, даже замок наверху не закрыли – так торопились. Но замок вообще не всегда закрывали. Просто вставляли его в скобу, и уже одно это мешало выйти. Правда, сейчас Анатолий выходить и не собирался. Он внутренне присмотрелся к темноте подвала, словно проверял – заглядывал ли кто-то сюда. Нет, не похоже, чтобы заглядывали. И только после этого убрал ключ в карман.

Старое рваное одеяло, брошенное на две широкие доски, – это его кровать. Анатолий лег на бок, подтянул цепь с замком так, чтобы тяжесть не оттягивала ноги, руку подложил под голову и задумался. Семьдесят тысяч долларов – это очень большие деньги. Сам Анатолий никогда таких денег в руках не держал. Наверное, и мать тоже... Ваха сказал, что деньги достал подполковник Евсеев. Если подполковник в курсе того, что произошло, Анатолию стоит всерьез надеяться на избавление от плена. В любом случае стоит быть готовым к помощи. В первом варианте Евсеев сможет деньги достать. Кроме него, никто, наверное, из всех, кто слышал

когда-то имя рядового Анатолия Юденича, на такое не способен. Во втором варианте подполковник сможет своими силами или же силами других спецназовцев, кто в Чечне сейчас находится, найти и освободить Анатолия. Это, наверное, даже более сложно, чем просто деньги найти и заплатить выкуп. Но надежда все же есть. Другое дело, если бы пленника постоянно держали в этом подвале, не выпуская наружу и не показывая никому. Тогда найти его было бы сложнее. А если его используют как рабочую силу, если его в аренду сдают, то слух об этом идет, надо полагать. А если слух идет, стоит ждать, что он достигнет ушей того, кто сможет спасти его. И всегда третий вариант остается в силе. Сейчас, когда вспомнился подполковник Евсеев, этот вариант показался даже более предпочтительным. Даже издалека бывший командир словно бы подтолкнул своего солдата к деятельности, к проявлению тех качеств характера, которые он в солдатах воспитывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.